

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

**Ш А Г И
НЕМЕЗИДЫ**

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Н. ЕВРЕИНОВА

(опубликованныя по-русски):

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. I (“Болваны, кумирскіе боги”, историческая драма, в 4 дѣйств., “Фундамент Счастья”, пьеса в 3 д., “Степик и Манюлочка”, комедія в 1 д., “Красивый Деспот”, послѣдній акт драмы, “Война”, драма в 3 д.). Петербург 1908 г.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. II (“Ярмарка на индикт св. Дениса” (уличный театр), “Три волхва”, литургическая драма XI в. “Веселая Смерть”, арлекинадa, в 1 д., “Такая Женщина”, парадокс, в 1 д., “Бабушка”, отрывок из жизни, в 1 д., “Неизмѣнная Иамѣна”, представленіе эксцентриков, в 3 картинах). Изд. Н. Бутковской, Петроград 1914 г.

“ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЛЮБВИ”, монодрама, в 3 дѣйств., изд. “Совр. Искусство”, Петр. 1917 г.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. III. (Репертуар “Кривого Зеркала”: “В кулисах Души”, монодрама в 1 д., “Ревизор”, режиссерская буффонада, “Четвертая Стѣна”, пародія, в 2 карт., “Школа Этуалей”, в 1 д., “Кухня Смѣха” или “Мировой Конкурсе Остроумія”, 5 шаржей — пародій на одну тему). Изд. “Академія”, Ленинград 1923 г.

“САМОЕ ГЛАВНОЕ”, для кого комедія, а для кого и драма, в 4 д. Петербург, 1921 г.

“САМОЕ ГЛАВНОЕ”, для кого комедія, а для кого и драма, в 4 д. Ревель, 1921 г.

“ТЕАТР ВѢЧНОЙ ВОЙНЫ”. Пьеса, в 3 д. и 4 карт. Изд-во “Москва”, Париж, 1928 г.

“КОРАБЛЬ ПРАВЕДНЫХ”, драматическая эпопея, в 3 актах, “Петрополис”, Берлин, Театральный Сборник “Отрыв”, 1934 г.

“ШАГИ НЕМЕЗИДЫ”, драматическая хроника, в 6-ти карт. “Возрожденіе”, Париж, 1956 г.

Готовятся к печати слѣдующія, никогда не опубликованныя пьесы:
“Бѣдной двоицѣ спилось”, “Огонек в окошкѣ”, “Граждане 2-го сорта”, “Любовь под микроскопом”, “Радио-поцѣлуй” и др.

Н. Н. ЕВРЕИНОВ.

ШАГИ НЕМЕЗИДЫ

(„ Я другой такой страны не знаю “...)

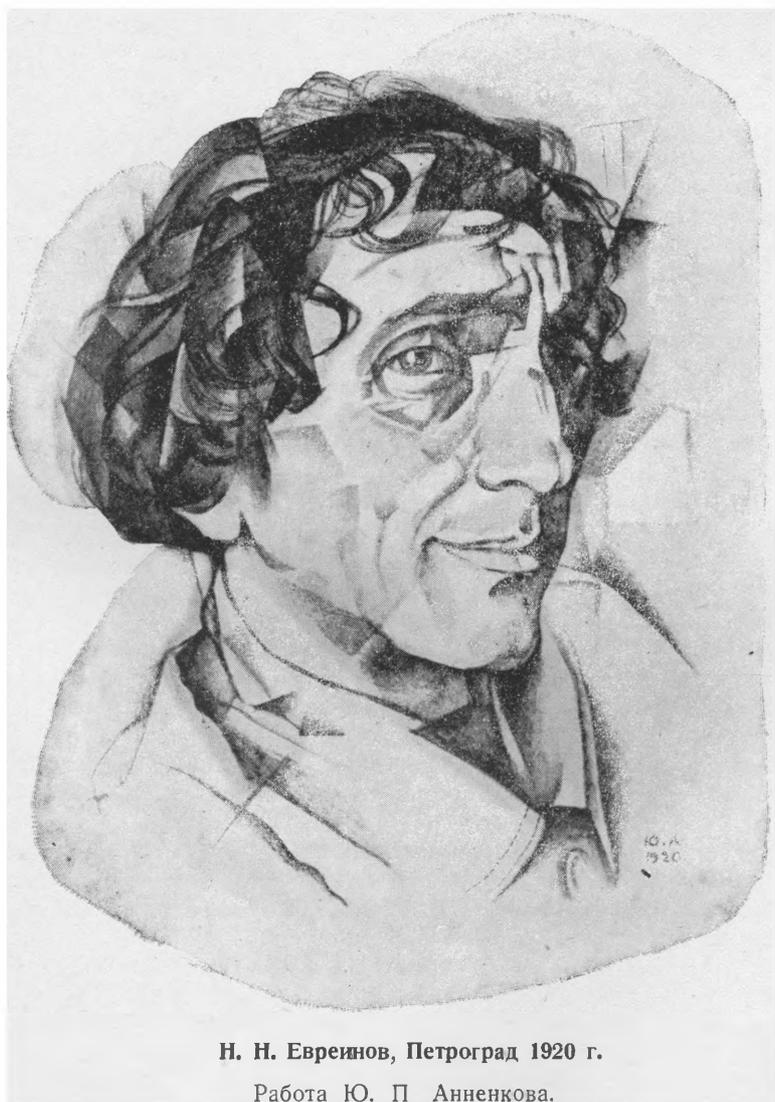
Драматическая хроника в 6-ти картинах
из партийной жизни в СССР (1936-1938)

ПАРИЖ

1956

Всѣ права перевода и постановки цѣликом сохранены за женою автора, А. А. Кашиной-Евреинной. Обращаться или в Société des Auteurs et Compositeurs Dramatiques, 9 et 11, rue Ballu, Paris или Madame Anna Evréinoff, villa «Douce Présence», rue de l'Abreuvoir, La Celle Saint Cloud, Seine et Oise, France.

Н. Н. Евреинов, Петроград 1920 г.

Работа Ю. П. Анненкова.

Вмѣсто предисловія

Non est ad astra mollis
E terris via...

Пьеса «Шаги Немезиды» написана Н. Н. Евреиновым еще перед войной 1939 г. Могу с увѣренностью сказать, что она явилась плодом «избыванія» весьма напряженной политической атмосферы, — царившей в Европѣ, а тѣм болѣе в Россіи, — в годы, предшествовавшіе войнѣ.

Мой муж всегда очень пристально слѣдил за тѣм, что происходило на родинѣ, читал по нѣсколько газет разных направлений в день (включая и совѣтскія), а с началом знаменитых процессов главарей коммунистической партіи, т. е. начиная с 1936 года, это чтеніе газет и журналов превратилось для него почти в болѣзненную манію. И вот, — как мнѣ кажется, — чтоб отдѣлаться от навязчивых идей, связанных с ужасами совѣтской дѣйствительности, болѣзненность которых он и сам чувствовал, муж задумал свою «драматическую хронику в шести картинах из партійной жизни в СССР (1936—1938)». Он написал ее «впрок», отдавая себѣ отчет в том, что не было до поры до времени никакой возможности ее поставить. Я была единственной слушательницей, которой он читал эту пьесу.

С присущими Н. Н. Евреинову рѣдкой добросовѣстностью и упорством в трудѣ, он изучал все, что могло так или иначе послужить матерьялом для пьесы, в том числѣ и толстый том, изданный в Москвѣ, под заглавіем «Судебный отчет по дѣлу анти-совѣтскаго «право-троцкистскаго» блока», болѣе 700 стр.*). Эта книга не сходила с его рабочаго стола впродолженіи многих мѣсяцев. От времени до времени он посѣщал публициста П. А. Берлина, чтобы лучше провѣрить имѣвшійся в его распоряженіи документальный матерьял.

В эти три года перед войной, многіе из наших близких друзей, повѣрив обѣщаніям совѣтской власти, уѣхали в СССР. Вспоминаю в особенности о нашем другѣ и сотрудникѣ мужа — художникѣ И. Я. Билибинѣ, с которым муж дважды поставил оперу Н. А. Римскаго-Корсакова «Царь Салтан» — сначала в Парижѣ, в театрѣ Елисейских Полей, а через нѣсколько лѣтъ — в Прагѣ, в Национальном театрѣ. Дирижер Мих. Штейнман, котораго муж «вывез» в Прагу дирижировать этой оперой (перед этим они близко сошлись, работая над постановкой «Руслана и Людмилы» в том-же театрѣ Елисейских Полей), тоже не устоял перед соблазном совѣтских «сирен», и стал

*) Полный текст стенографическаго отчета. Изд. Юридическ. Из-ва Наркомюста.

собираться в СССР, так же как и уговариваемый своей женой, любившей «шикарную жизнь» советских знаменитостей, начал упаковывать чемоданы и композитор С. С. Прокофьев*).

Кажется я одна никогда не собиралась «домой»: в эти годы я готовилась к деятельности Christian Science practitioner (совершенно невысказанной в СССР).

Муж мучительно колебался, как будто: он глубоко любил Россию и свою театральную деятельность в ней.

Но случай разрешил всё колебание: —

Летом 1937 г. на Всемирную Парижскую выставку приехал на гастроли Моск. Художественный театр. Конечно, всё парижские деятели искусства засобирались пойти на эти спектакли. Давались: «Любовь Яровая» Тренева, инсценировка «Анны Карениной» и «Враги» Горького, все новые, невиданные за границей постановки. Мы с мужем решили взять билеты на первый же спектакль. Но перед кассой кто-то из русской дирекции гастролей узнал мужа и нам тотчас же были предоставлены места в первом ряду на всё спектакли, а в первом же антракте мы встретили старого знакомого, советского писателя Виктора Финка, с которым часто видалась в Петроград 1921—1924 годов. Он обрадовался встрече, сразу попросился в гости, и через день или два, пришел к нам обедать. Оказалось, что в Париж он был завлечен рекламой советского павильона на Всемирной выставке (Финк, если не ошибаюсь, во время войны 1914 года служил во Франции солдатом и отлично знал французский язык). Он провел у нас два вечера, рассказывал о жизни писателей и артистов в России, и всячески уговаривал нас вернуться «домой»... Но, в результате этих бесед, у мужа созрело твердое решение: остаться в Париже.

Немезида, хоть и с завязанными глазами, все же сделала немало шагов за эти годы и гул их отдается во всем мире. Одни прислушиваются к ним с ужасом, другие с надеждой на лучшее будущее...

Мой муж и после войны не мог осуществить этой пьесы на сцене, ни даже увидеть ее в печати. Теперь эта радость выпадает на долю моего, прошагавшей с ним целую треть столетия «по городам и весям» России, Америки, Европы...

Анна Кашина-Евреинова.

Париж, июль 1955 г.

*) Я знала хорошо об их переживаниях этих месяцев, т. к. мы очень часто встречались в это время с Прокофьевыми и Штейнманами: муж зарабатывал с ними план постановки оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», о представлении которой в сезон 1937-38 г.г. Штейман вел переговоры с Барселонским театром «Лицео». Эта постановка, увы! — никогда не была осуществлена.

Кстати здесь же не могу не пожалеть Лину Прокофьеву, жену композитора, о тяжелой судьбе, которой я узнала из репортажа Э. Стивенса в американской газете «The Christian Science Monitor», «Russia Uncensored», 1949.

ШАГИ НЕМЕЗИДЫ

(«Я другой такой страны не знаю...»)

Драматическая хроника в 6-ти картинах, из партійной жизни
СССР (1936-1938 гг.)

Дѣйствующія лица :

Зиновьев, Григорій Евсѣевич, быв. Предсѣдатель Коминтерна и б. глава Сѣверной Коммуны.

Каменев, Лев Борисович, быв. Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров и Совѣта Труда и Обороны.

Рыков, Алексѣй Иванович, быв. Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров.

Бухарин, Николай Иванович, отвѣт. редактор «Извѣстій ЦИК-а Союза ССР и ВЦИК-а Исполкома Совѣтов», — быв. Предсѣдатель Коминтерна, извѣстный теоретик марксизма и ленинизма.

Зинаида Авдѣевна Попова, танцовщица, дальняя родня Бухарина.

Варвара Авдѣевна Декурсель, адвокатесса, дальняя родня Бухарина.

Сталин, Иосиф Виссаріонович, Генеральный Секретарь ВКП (б).

Ягода, Генрих Григорьевич, зам. Предсѣдателя ОГПУ, потом — Нарком Внутр. Дѣл.

Буланов, Павел Петрович, личный секретарь Г. Г. Ягоды и секретарь Наркомата Внутр. Дѣл.

Ежов, Николай Иванович, Предсѣдатель Комиссии Партіянаго Контроля, потом — Нарком Внутр. Дѣл.

Карл Радек, быв. Секретарь Циммервальдовской Конференции, извѣстный журналист и консультант Сталина по дѣлам внѣшней политики.

Вышинскій, Андрей Яковлевич, Государственный Обвинитель, — Прокурор Союза ССР.

Доктор Левин, Лев Григорьевич, старшій врач Кремля и домашній врач совѣтских «сановников».

Помощник лаборанта, — служащій в химической лабораторіи при ГПУ.

Стража НКВД, гости в домѣ З. А. Поповой и др.

Дѣйствіе происходит в 1936-1938 годах, в Москвѣ и ея предмѣстьи «Горки».

КАРТИНА 1-я

На квартирѣ Зинаиды Поповой. — Большая гостиная, богато и со вкусом обставленная не столько предметами роскоши, сколько произведеніями искусства. Там и сям, по углам, художественная скульптура и экзотическія растенія в цвѣту, а по стѣнам — картины старинной и современной живописи. Среди произведеній послѣдней бросается в глаза, висящій над роялем, портрет хозяйки дома, в видѣ полуобнаженной пляшущей нимфы.

Двѣ двери: одна налѣво, ведущая в коридор и переднюю, и другая, посрединѣ — очень широкая дверь, — через которую видна столовая в русском стилѣ, с полками майоликовой посуды и стариннаго фарфора, с «убрусами», на живописных крюках, серебряным самоваром и пр. — Раздвижной стол, занимающій середину столовой, покрыт вышитой скатертью и окружен комфортабельными, креслообразными стульями.

Мягкое, но щедрое освѣщеніе электрических ламп. обуславливает впечатлѣніе уютности, разлитой по всей квартирѣ.

При поднятіи занавѣса, на сценѣ — Зинаида Попова и сестра ея Варвара Декурсель, недавно пріѣхавшая к ней из Парижа. Обѣ сестры отличаются завидными внѣшними данными. Старшая, Зинаида, — темно-рыжая красавица, лѣтъ под тридцать, с пластичными движеніями заправской танцовщицы. Варвара — лѣтъ 25-ти, прехорошенькая блондинка, с мальчишеским выраженіем лица и печатью «суфражистки» на всем ея поведеніи. — Зинаида одѣта в «домашнее» хитонобразное платье, оригинальной, броской раскраски. На Варварѣ — парижскій скромный ансамбль «спортивнаго» характера.

Зинаида (упиваясь материнской любовью, нѣжничает со своим годовалым, сыном, лежащим в комфортабельной колясочкѣ): Агу!.. агушеньки!.. Что же это ты не спишь, мое сокровище? А?.. Всѣ хорошія дѣти всегда спят послѣ полуночи и им сняты дивныя лошадики с золотой гривой, розовые обручи с погремушками, серебряные коньки, уморительные «Петрушки» и крошечныя обезьянки, пляшущія на веревочкѣ. А ты не спишь, вот и не видишь их!.. Ну, спи же, моя крошка, усни! Баю-бай! слышишь, родненькій: баю-бай! Уже второй час ночи.

Варвара: Ты все зовешь его «Крошкой». «Сокровищем», «Дѣткой», а как его по-настоящему звать, я до сих пор не знаю, хоть и родная его тетка. А вѣдь я уж двѣ недѣли, как из заграницы пріѣхала.

Зинаида: Подожди, — устроим скоро «Октябрины» и наречем его тогда «всерьез и надолго».

Варвара: Это что ж такое эти «Октябрины»? Вродѣ красных крестин?

Зинаида: Да, но торжественнѣе и... идеологичнѣй.

Варвара: А кто крестным отцом приглашен?

Зинаида: Генрих Григорьевич.

Варвара: Ягода?

Зинаида: Он самый.

Вар. (вздрагивая): Бррр!..

Зин.: Что с тобой?

Вар.: Гм... обер-чекист?

Зин.: Вот смѣшная! Как ты странно судишь о людях. Во-первых, это большая честь — имѣть крестным такого сановника, а во-вторых (смѣясь), насчет подарочка «будьте покойнички», как выражается Генрих.

Вар.: «Будьте покойнички»?!.. пожеланье и впрямь подходящее для чекиста!

Зин.: (катая колясочку по всей комнатѣ): У тебя «эмигрантскіе» взгляды, а для меня главное, чтобы крестный был вѣрной защитой моему сыну. В нашей жизни надо страховаться, иначе пропадешь.

Вар.: Но если это — сдѣлка с совѣстью?

Зин.: Какой вздор!.. Но хотя бы и так! — Я на все готова для своего ребенка! Живу для него! Понимаешь? И если б ты знала тѣ жертвы, что я для него принесла!.. Ну, да что толковать. — Я посвятила ему всю свою жизнь. Потому что это такое счастье, Варя, имѣть ребеночка, который жметя к тебѣ, как родной кусок тѣла, тянется ручонками и кличет «мама», что...

Вар.: (перебивая поток ея слов): Ну, что же, остается только позавидовать тебѣ.

Зин.: Я даже не понимаю, как я раньше без него обходилась... Все хотѣла перехитрить природу! — Думала, что мои танцы, искусство, вся моя артистическая карьера — дороже всего на свѣтѣ... а оказалось, это такая чепуха рядом с этим сокровищем (обцѣловывает ребенка), что и сказать нельзя! Ты должна, как можно скорѣе обзавестись ребенком, чтобы наслаждаться счастьем материнства. И ребенок еще крѣпче привяжет к тебѣ мужа.

Вар.: (смѣясь): А как же моя наука тогда и адвокатская практика? (Закуривает папиросу).

Зин.: Вздор!.. Пожертвовала же я своей хореографіей.

Вар.: Во-первых, ты ею вовсе не «пожертвовала», так как продолжаешь выступать в балетѣ.

Зин.: Ну... это развѣ то, о чем я мечтала!

Вар.: А во-вторых, неужели я затѣм уѣхала в Париж, окончила там Сорбонну, завела необходимыя связи, чтобы все это потом бросить ради... ради того, кто может быть разочарует меня, когда вырастет!

Зин.: (останавливается с колясочкой посреди комнаты): Господи, как ты смѣшно разсуждаешь... Ну, как может разочаровать меня мой ребенок, когда он — плоть от плоти моей и... моего мужа! Вѣдь он прежде всего — живая память о покойном Сергѣе Михайловичѣ. (Ребенку, щелкая пальцами) — Агу! агушеньки! Что же ты не спишь?

Вар.: Ну, этого бы я не сказала: — твой сын так мало походит на Сергѣя Михайловича...

Зин.: Сейчас еще рано судить. (Кричит) Няня!.. няня!

Вар.: Ты родила его послѣ смерти мужа?

Зин.: (катает колясочку, усыпляя ребенка): Да. Я так тогда измучилась, что не передать! И я бы ни за что не утѣшилась, если б Крошка не появился на свѣт и не согрѣл своим тѣльцем мое омертвѣвшее сердце.

Вар.: Господи, как ты любишь «декламировать»! Вот что значит театральная профессія.

Зин.: Я вовсе не «декламирую»! (Входит нянька Захаровна — женщина преклонных лѣтъ, с проницательными глазами и волевым складом лица).

Вар. (сестрѣ): Прости, если обидѣла, но...

Зин. (нянькѣ): Он засыпает... Можно везти его. Принесите-ка портвейну сюда и два стаканчика.

Няня: Слушаюсь! (Уходит, увозя колясочку с ребенком).

Вар.: Скажи, бѣдный Сергѣй Михайлович... — неужели нельзя было спасти твоего мужа?

Зин.: О, я сдѣлала все, что было в моих силах! Сам доктор Левин, Кремлевскій врач, что вхож к самому Сталину, лѣчил его, по приказанію свыше. Но муж был слишком потрясен арестом, под который подвел его один пріятель, и... сердце не выдержало. Знай, Варя, если б не товарищ Ягода, который сдѣлал все, чтоб облегчить пребываніе мужа в тюремной больницѣ!..

Вар.: Да, да, ты рассказывала!..

Зин.: ...если б не сочувствіе, которое он выражал мнѣ, войдя в мое положеніе, я... я просто сошла бы с ума!

Вар. (с легкой ироніей): С тѣх пор он и начал за тобой ухаживать?

Зин.: Что значит «ухаживать»? (Занимается ногтями, придвинув к себѣ несессер «маникюра»).

Вар. (чуть-чуть шаловливо): Приглянулась красавица!

Зин.: ...Ему просто импонировало мое искусство, он знал меня уже по сценѣ. А в связи с хлопотами о мужѣ, я, естественно...

Вар. (договаривая): ...сошлась с ним поближе.

Зин.: Он очень любит артистов и...

Вар.: ...и особенно артисток, я слыхала. А так как он всемогущ, то всѣ перед ним «падают до ног»? И ты в том числѣ?

Зин.: Ничего подобнаго: он очень прост в обращеніи. Правда, раньше я его немного побаивалась: ты вѣдь знаешь — послѣ Сталина, Ягода самый властный человекъ в СССР. Глава ГПУ это, милая моя, «не фунт изюма»!.. А оказалось, на повѣрку, это не только простецкая душа, но и товарищ, готовый на всякія жертвы ради любаго существа.

Вар. (с легкой насмѣшкой): Ну, а как его жена относится к его «жертвам»?

(Раздается звонок телефона. Пауза).

Вар. (подбѣгает к телефону и снимает трубку): Николай Иванович?.. Здравствуйте, дядюшка! (Сестрѣ) Это Бухарин звонит из редакціи. (В телефон) Нѣтъ, мы не спим! — ждем вас... устали и проголодались?.. Ну, еще бы!.. Вы прямо с процесса в редакцію?.. Воображаю!.. (Послѣ паузы) Хорошо! (Сестрѣ). Он пріѣдет с Рыковым; ждет, чтобы тот заѣхал; просит что-нибудь приготовить поѣсть. (Слушает) Ах, и Радек пожалует?.. и Генрих Григорьевич?.. Отлично!.. ждем! (Вѣшает трубку).

Зин. (вскочив): Что ж ты не спросила, чѣм закончился процесс?

Вар.: Ах, я и забыла совсѣм!

Зин. (усаживаясь): Радек требовал для них смертной казни, в газетѣ, но... Это все фразы, — я в этом увѣрена.

Вар.: А правда, — он мнѣ говорил, — что твоя квартира «конспиративная»?

Зин.: Что значит «конспиративная?!.. Он вѣчно шутит, Карл Радек, и... преувеличивает, смѣха ради! — недаром ходит слух, что всѣ анекдоты в Москвѣ сочиняются Радеком.

Вар.: Он препотѣшный! Говорит мнѣ на послѣдней вечеринкѣ (подражая польско-нѣмецкому говору): «прибегнем к конспираціи: — коль сестра ваша откажется исполнить свой балетный номер, — мы сбѣаем вид, что уходим. Согласны?»... А я в отвѣт: «к чему тут конспирація? — Сестра и так спляшет, если я ее попрошу». — «Не думаю, — говорит, — вот, если б Ягода ее попросил, дѣло другое. А раз его нѣтъ, так прибѣгнем к конспираціи, благо здѣсь конспиративная квартира». «Конспиративная?» — переспрашиваю. — «А вы не знали? — смѣется, — так я вам и повѣрил!».

Зин.: Он всегда смѣется, этот Радек! Ему бы лишь шутки шутить.

Вар.: Почему ты до сих пор не познакомила меня с Ягодой?

Зин.: Да вѣдь ты «без году недѣля», как пріѣхала. И потом он очень занят! — Вѣдь все слѣдствіе по дѣлу «зиновьевскаго блока» было подготовлено ГПУ, а Ягода — его прямой начальник.

Вар. (с легким презрѣніем): Ну еще бы — «обер-чекист»!

Зин.: Скажи лучше: «недреманное око пролетаріата!» К тому же «мы всѣ чекисты», — сказал Сталин.

Вар.: Тѣм хуже для Россіи!

Зин.: Тебѣ трудно судить! — У тебя эмигрантская предвзятость! и ты вѣришь всяким сплетням.

Вар. (горячо): Ах, значит, это сплетни, что он подводит под разстрѣлъ всѣх, кого хочет?!.. Сплетни — его крѣпостной режим в концентраціонных лагерях, гдѣ он ввел рабскій труд на лѣсных и рыбных промыслах?!.. А этот Бѣломорскій канал, построенный им на костях интеллигентных тружеников?!.. А Нарымскій Край и Соловки, со всѣми ужасами, что там творится? И ты защищаешь такого палача, как этот Ягода? Да еще любишь его, как я вижу. Это просто какая-то извращенность!

Зин. (с фальшивым смѣхом): Вот тебѣ раз! Тебѣ бы поступить не в адвокаты, а в прокуроры! Ей-ей, всѣх бы тогда засудила. Ты упустила только из виду: — то, что брешут ваши парижскіе писаки, это одно, а то, что говоритъ, напримѣр, Максим Горькій о Генрихѣ Ягодѣ имѣет совсѣм другой вѣс на страницах исторіи!.. (Беря роскошно изданный альбом с ближайшей полки). Вот, прочти хотя бы предисловіе к монографіи о том же Бѣломорском каналѣ, за который Ягода награжден орденом Ленина. (Читает) «Великое дѣло сдѣлано вами, огромнѣйшее дѣло, — пишет Горькій, — эта книга рассказывает, как врагов пролетаріата перевоспитали в сотрудников и в соратников его».

Вар.: Горькій для меня не Бог: он может ошибаться!

Зин.: Ну, а «глас народа?» Ты читала, что сказали 7.000 коммунаров «Большевской Трудкоммуны ГПУ имени Ягоды?»

Вар. (улыбаясь): Ну, гдѣ я могла это прочесть?! — Ваши газеты к тому же до того окучны, что...

Зин. (декламирует с пафосом):

«И если сожмется над нами в кольцо
Свирѣлая вражья порода,
Мы встанем, как армія смѣлых бойцов,
И в бой поведет нас Ягода!».

Вар.: Господи, как у вас любят «декламацию»!.. Кичатся, краснобайничают, славословят... А сами ходят, через 20 лѣтъ «революціонных завоеваній» в нищенской одеждѣ, и чтоб купить сапоги, должны работать чуть ни пол-года. Вот уж поистинѣ «сапоги в смятку»! (Входит нянька Захаровна, с бутылкой портвейна и двумя бокалами).

Зин. (сестрѣ, насильно смѣясь): Нѣт, ты не увиливай от спора! (Нянькѣ, указуя на маленькій столик): Поставьте сюда! (Та исполняет приказаніе). Спроси хоть няню (наливает вино в бокалы) — она как раз из концлагеря, у меня на поруках, по протекціи того же Ягоды... Скажите, Захаровна, что у вас, в концлагерѣ говорили про Генриха Григорьевича? Бранили его, хвалили? Будьте совсѣм откровенны. (Сестрѣ): Пей!

Вар.: Не хочу. (Протягивая бокал няньѣ): Хотите?.. (Передает ей бокал).

Няня (кланяясь): Спасибо, Варвара Авдѣевна! (К старшей из сестер): Генрих Григорьевич шишка большая и хозяин русской земли! А я кто такая, чтоб о нем разсуждать? (Выпивает бокал и ставит его на прежнее мѣсто).

Зин.: Ну вот тебѣ раз! — каждый может думать по-своему.

Няня (вытирая рот рукою, зажмуривает глаза): Окромя хорошаго, ничего о нем не скажешь. И я вѣкъ буду Бога молить, что изъял он меня из юдоли плача и скорби. (Вытирает глаза и сморкается). И то сказать: за что сажают, в эти «концлагери»? — За христіанскую вѣру!.. Так развѣ это резон? За такія вещи Бог — во, как накажет! — помяните мое слово!

Зин. (смѣясь и потѣшаясь): Кого?.. безбожников?.. Сталина?.. ГПУ?.. (Звонок телефона).

Вар. (подбѣгая к аппарату, снимает трубку): Алло!.. Кого вам нужно?.. У нас ли товарищ Бухарин?.. Нѣт, еще не пріѣхал, а что?.. Да, да, это квартира Поповой!.. Бухарин еще в редакціи, вѣрно... Это откуда говорят?.. От маршала Тухачевского?.. А что ему угодно, простите?.. Нѣт, его не ждут сегодня. Да вѣдь уже ночь на дворе... Что?.. Как?.. (Вѣшает трубку). Оборвали!

Зин. (сестрѣ): Ты напрасно откровенничаешь по телефону... Хоть мы и под защитой, но... мало ли провокаторов в Москвѣ!

Вар. (шутливо): Примем к свѣдѣнію! (Няньѣ): Так вы говорите, Бог накажет безбожников?

Няня: Обязательно!.. Но, вѣстимо, не слуг их наемных, а тѣх, кто командует ими... Вон недавно еще, когда Ленина разбил пара-

лич, один лехтор-безбожник издѣвался над Богом. Мол, глядите, товарищи, как я поношу этого самого Бога! а ничего мнѣ от того не дѣлается: и голова в здравом умѣ остается, и язык мой не заплетается, и руки-ноги меня слушаются. Если Бог существует, почему же Он меня не накажет?!.. А потому, что нѣтути Его вовсе и я, видите, цѣлехонек остаюсь... (Слышен звонок из передней).

Зин. (полу-привстав): Звонят!

Няня: Пойду отпереть!

Зин.: Подождите, я сперва в «окошечко» загляну! — Неровен час... (Убѣгает налѣво).

Вар. (нянѣ): Ну и что же? Так и насмѣялся ваш безбожник безнаказанно?

Няня: Да вѣдь тот лехтор слуга был наемный. А вот кто послал его богохульничать, — Ленин этот самый, — того Бог и разума лишил, и языка, и руки-ноги ему параличем разбил, словом — изничтожил совѣм.

Зин. (возвращаясь): Это Радек... Отоприте ему, няня!

Няня (направляясь налѣво): Сію минуту! (Ушла).

Зин. (направляясь в столовую): Займи его, Варя! — Пока я к ужину все приготовлю. (Затворяет створки двери).

Вар.: А какова его «position sociale», я забыла.

Зин. (пріостанавливаясь на порогѣ): Радека?.. Это же знаменитый эмиссар Ленина, в дни Германской революціи... бывший секретарь Циммервальдской Конференціи... официальный публицист коммунистической партіи и, наконец, — неужели не слыхала, — это же совѣтник Сталина по внѣшней политикѣ.

Вар. (с улыбочкой): Ну, словом — шишка, как я вижу. Так бы и сказала!

Зин. (улыбаясь): Так и говорю! (Уходит в столовую, закрыв за собой двери, как раз в тот момент, когда слѣва появляется Радек в сопровожденіи Захаровны. — Он небольшого роста, почти миниатюрный, и похож на добродушнаго шимпанзе; одѣт не без претензіи на европейскій шик: в бархатном пиджакѣ и в модных брюках. У него вкрадчивыя манеры, «умные» глаза, желчный цвѣт лица и не сбѣгающая с губ саркастическая улыбка. Его рѣчь сразу же выдает в нем галиційскаго полиглота и, в частности, поляка).

Радек (здороваясь с Варей): Здравствуйте, товарищ! (Рукопожатіе). А Бухариньки еще нѣт? Я, значит, первый... Как поживаете? Привыкаете к нашей Москвѣ? Нравится послѣ Парижа?

Вар. (кисло улыбаясь): Да не очень что-то.

Радек: Большевики не угодили? Да?.. — мы такой безпокойный народ... не даем спать Европѣ... *Vous avez raison!*.. И все серьезно! — Нѣт у нас этого французскаго «тра-ля-ля» и «argès moi le déluge»!

Няня (под хмельком, машет на него рукой): Безбожник вы, вот что! Хуже всякаго «тра-ля-ля»! Сотворили Ленина-кумира и прикладываетесь к душегубу, словно к плащеницѣ.

Радек: К «плащеницѣ»?!.. Oh, qu'elle est amusante! (Нянька машет рукой и уходит в столовую, прикрыв за собой дверь).

Вар.: Садитесь пожалуйста!

Радек: Мерси! (Садятся друг против друга).

Вар.: К чему их присудили, этих оппозиционеров?

Радек: К разстрѣлу, *chère madame!* К разстрѣлу!.. так угодно было Сталину.

Вар.: Сестра утверждает, что вы первый потребовали, в газетах, их разстрѣла.

Радек: Что значит «я потребовал»?!.. Ну, а если б я не потребовал? Было бы иначе, вы думаете?.. Вѣдь это только курицы воображают, что солнце встает от петушиного крика!.. А оно и без ку-ку-ре-ку обходиться может и даже в лучшем видѣ.

Вар.: Так зачѣм же вы требовали в газетах?

Радек: Чтоб их разстрѣляли?!.. (Усмѣхается): А зачѣм у нас вообще принято доносить друг на друга и предательски предавать людей с «цинизмом, доходющим до граціи», как говорил Салтыков?.. Затѣм, что если один не донесет, — другой за него это сдѣлает... Так уж лучше я потребую разстрѣла, прежде, чѣм другой догадается это сдѣлать.

Вар. (смѣясь): Странная логика!

Радек: (издѣваясь): Наоборот, — самая натуральная, при том примитивном мышленіи, какое характерно для «эпохи Сталина».

Вар.: То есть?.. Что вы имѣете в виду?

Радек: Примѣр эскимосов. У них вѣдь раньше был богатый, культурный язык, когда они жили еще в умѣренном климатѣ. Но когда их оттѣснили к Ледовитому океану, т. е. к примитивным условиям существованія, — их жизнь до того упростилась, что необходимость в богатом языкѣ, с его сложными понятіями, постепенно отпала. Вот нѣчто подобное случилось и у нас при Сталинѣ, который оттѣснил коммунистическую партію к таким примитивным понятіям, что заставил ее забыть язык Карла Маркса и всю его философію.

Вар (посмѣиваясь): Ну и храбрый же вы человек, если так честите своего диктатора! Не бойтесь, что я донесу?

Радек (смѣясь): Куда?.. в ГПУ?.. Так начальник ГПУ заодно с нами, т. е. с оппозиционерами.

Вар.: Товарищ Ягода?.. Вы говорите серьезно?

Зин. (появляясь из столовой, чуть-чуть принаряженная и оставляя двери настеж: — видно, как в столовой нянька суетливо накрывает на стол, подает закуску и пр.): Здравствуйте, дорогой товарищ! Как вы поживаете? (Рукопожатіе).

Радек (острит): Пока еще «поживаю», хотя и рискую каждый день проснуться разстрѣлянным.

Зин. (сестрѣ, шутливо): Ради Бога, не слушай его! — это такой «ниспровергатель основъ», что вчужѣ страшно становится. (Ему): Ну, как закончился процесс? Вы, вѣрно, прямо из суда?.. К чему же их там приговорили?

Радек (откашлявшись): К высшей мѣрѣ наказанія.

Зин. (перемѣнившись в лицѣ): К разстрѣлу?!.. Вы... шутите?

Радек: Нисколько! Почему это вас удивляет?

Зин.: То есть как?.. Вершители судеб Россіи присуждаются к разстрѣлу, как послѣдняя шпана, и я не должна удивляться?!.. Вѣдь эти люди 20 лѣт стояли во главѣ правленія Россіей.

Радек: Ну так что ж? — чѣм дольше они правили, тѣм больше грѣшили.

Зин. (в сильнѣйшем волненіи): Нѣтъ, этого не может быть!.. Что за чепуха!..

Варвара (ей, в сердцах): Ты все хвастала, что нѣтъ нигдѣ таких правителей, как в Совѣтской Россіи: мол, и неподкупные-то, и герои труда, и ночи не спят на стражѣ революціи. А оказывается, — это та же «шпана», как ты выражаешься: убійцы, шпіоны, пораженцы, готовые продать Россію за 30 серебряников. И подобной власти заставляли подчиняться весь народ в «шестой части свѣта»?.. Эта подлая «шпана» ссылала невинных, разоряла крестьян, казнила их, запрещая молиться Богу, отнимала у людей все имущество, свободу мысли, слова, передвиженія, а Европа, в то время, аплодировала дьявольскому балагану и заключала пакты с подобными разбойниками!

Зин. (в досадѣ, махнув рукой): У тебя вѣчно предвзятое мнѣніе: валишь все в одну кучу и мараешь черной краской!.. А один тот факт, что до этих голубчиков добрались-таки в ССР, должен бы заставить тебя призадуматься... Совѣтская власть тѣм и отличается, что...

Вар. (перебивая): Хороша власть, которую приходится разстрѣливать в результатѣ ея двадцатилѣтней дѣятельности!

Зин. (поджав губы): Царя и царских министров тоже пришлось разстрѣлять!

Вар.: Не кошунствуй во-первых, а во-вторых будь логична: царя разстрѣляли враги, а Зиновьева и Каменева — свои же товарищи.

Радек. (с нервным смѣхом): Подождите, мадам, их еще не разстрѣляли! Сталин, может быть, помиует! — вѣдь он у нас, как царь теперь. И еще неограниченнѣй его, хотя и очень ограниченный человек.. (Во время послѣдней реплики из передней доносится хлопанье двери, шаги и смутный говор. Слѣва входят Бухарин, с портфелем, и Рыков. — Бухарин представляет собой тип, извѣстный под названием «вѣчнаго студента»: как будто только что играл в лапу, — уточнил его образ писатель Маріенгоф. Лысый, с остроконечной бородкой. Что-то сатирически-безпошадное поблескивает в лихорадочном взорѣ этого 50-лѣтняго неврастеника, сдерживающаго себя в должных границах. Неказистый с виду, он скоро становится другим, когда начинает говорить о близком его вѣдѣнію предметѣ: недаром его эрудиція, вдохновенность, ораторскій дар и присущее ему остроуміе создали ему авторитет и ореол обаянія среди партійных товарищей. Рыков — совсѣм в другом родѣ: высокаго роста, костистый, с бородкой вродѣ, как у А. П. Чехова, в пиджакѣ стараго покроя и в немодном крахмальном воротничкѣ, в брюках, вправленных в «русскіе сапоги», — этот сановный большевик производит, в свои 55 лѣт, впечатлѣніе «сельскаго учителя», падкаго на спиртные напитки и любящаго кстати и не-кстати посмѣяться; — говорит заикаясь).

Бухарин (войдя, цѣлуется с племянницами и пожимает руку Радеку): Ну, разумѣется! — Радек уже покоряет сердца дам каламбурами! Его ничто не смущает!.. Здравствуй, Карлуша, «неунывающая галичанин»! (Варварѣ, указывая на Рыкова): Вы знакомы? — я уж забыл.

Варвара (здороваясь с Рыковым): С товарищем Рыковым? — Ну еще бы! Я даже помню, что в честь него переименована водка.

Рыков (смѣясь): А что вы думаете? — «Рыковка» меня обезсмертила. И я горжусь тѣм! Ибо «на Руси есть веселіе пити», а в наше время — так это даже необходимость! иначе повѣситься надо от того, что кругом творится!

Радек: Почему «повѣситься»? — это старо! «Разстрѣляться» — вот это в модѣ! (Общій смѣх).

Зинаида (указывая на столовую): Прошу дорогих гостей...

Бухарин (перебивая): Нѣтъ, Зина, подождем Ягоду! — Он обѣщал, что не задержится! (закуривает папиросу и дает закурить трубку Радеку).

Рыков (щелкая себя по крахмальному воротничку): А я бы «заморил червячка» не откладывая, ибо «дух бодр, а плоть немощна».

Зинаида и Варвара (наперебой): Так за чѣм же дѣло стало?!.. Идемте!.. И у нас аппетит разыгрался... (Берут Рыкова под руки и уводят в столовую, гдѣ его угощают и сами закусывают).

Бухарин (Радеку): Ну, что ты скажешь об этом идиотском предательствѣ?

Радек: Зиновьева и Каменева?

Бухарин: «Пришить» нас к дѣлу, словно это может спасти их. Дураки!

Радек: Не сердись, Бухаринька! — Это просто уловка, чтоб оттянуть исполненіе приговора... Суд так и понял навѣрно... Гораздо загадочнѣе, на кой чорт они сознавались в том, в чем совсѣм неповинны.

Бухарин: Вообще непонятно, на кой шут они всенародно себя оплевали и не только не защищались, а чуть не умоляли, чтобы их разстрѣляли. С сотворенія міра ничего подобнаго не наблюдалось!

Радек: Ну, это их заставил Ягода. Вѣдь он же вел слѣдствіе с прокурором Вышинским.

Бухарин: А на кой шут Ягодѣ это понадобилось?!

Радек: Потому что он дѣйствует по наущенію Сталина.

Бухарин: Пусть так! но почему Сталину приспичило, чтоб его недавніе сподвижники признали себя перед всѣми подлыми негодяями?

Радек: Как почему?!.. Потому, что Сталину опасность угрожает не столько от оппозиціонеров, сколько от рабочих и крестьян, возмущенных крѣпостным трудом на фабриках и колхозах.

Бухарин: Что ты хочешь сказать?

Радек: То, что негодованіе масс ему надо было направить на ложный след: не Сталин, мол, виноват в неудачѣ «пятилеток» и в нехваткѣ продуктов у эксплуатируемаго пролетаріата, а такіе вредители, как Зиновьев, Каменев и компанія... Неужели не ясно?

Бухарин (нервно расхаживая по комнатѣ и куря, как паровоз): Чорт возьми!.. Хотѣл бы я посмотреть, как это меня могли бы приудить обливаться себя публично помоями!

Радек: Да-с, картинка не из аппетитных!

Бухарин: ...Признаться в подлости, низости, свинствѣ!.. да еще

дѣлать это с каким-то экстазом! Клянусь честью, я скорѣе бы дал себя повѣсить, четвертовать, распилить тупою пилою!

Радек: Не у всѣх же столько мужества, милый Бухаринька.

Бухарин: Да неужели они не могли предпочесть самоубійство — этому самосѣченію в планетарном масштабѣ?!

Радек: А ты забыл, что сказал Троцкій в минуту откровенности? — «при условіях совѣтскаго дознанія, самоубійство является недостижимой роскошью».

Рыков (возвращается к товарищам, дожевывая бутерброд, предвзвѣстно откланявшись хозяйкѣ с шутовской церемонностью): О какой это «недостижимой роскоши» вы тут толкуете?

Бухарин: О самоубійствѣ.

Рыков (смѣется, с блаженным видом): Что за чепуха! Пейте, как я, — вот вам и самоубійство в разсрочку. Что же тут недостижимаго?! (Зинаида вносит из столовой поднос с бутылкой Бургундскаго, коньяком, рюмками и тартинками с зернистой икрой; разставляет все на столикѣ, рядом с бутылкой портвейна и удаляется в столовую).

Радек (Рыкову): Ты, мой друг, разсуждаешь, как тот инженер, который заявил, что «будущее нашей технологии — еще **впередѣ**». (Смѣется; Рыков тоже. Оба подходят к столику, наливают себѣ коньяку и закусывают).

Бухарин (нервно): Бросьте балагурить, товарищи! — Мы собрались не лясы точить, а рѣшить, как реагировать на предательство этих паршивцев?

Радек: Зиновьева и Каменева?

Бухарин: Вы думаете, легко мнѣ было редактировать сегодняшнія «Извѣстія», гдѣ черным по бѣлому напечатан донос на меня, как на контр-революціонера?!

Рыков: Нда... надо что-нибудь предпринять!

Радек (ѣдко): А что именно, когда все зависит от того, хотят нас ликвидировать или нѣтъ?.. Если «начальство» рѣшает избавиться от служащаго, — все, что он ни предпримет, будет совершенно напрасно. Один служащій,—мнѣ разсказывали,—всегда опаздывал на службу; ему пригрозили, что его уволят за злостную **неправдливость**. Он стал тогда приходить аккуратнѣй, чѣм само начальство; — его обвинили в нелѣпом **бюрократизмѣ**. А когда он стал являться даже раньше положеннаго времени, то его...

Бухарин (договаривая): ...выгнали за явный **карьеризм**. Вѣрно? — Слыхали этот анекдотец! нѣтъ ли поновѣе?

Радек (прищурившись): Как? — значит, ты видишься-таки с маршалом Тухачевским?!

Бухарин (слегка растерянно): А причем тут Тухачевскій?

Радек: А при том, что я лишь ему **одному** разсказал эту исторію. Значит, ни от кого другого ты не мог ее слышать, как только от него.

Бухарин: Ну, и что из этого слѣдует?

Радек: А то, что маршал Тухачевскій и его группа должны сноситься с нами только через третьих лиц. Это было постановлено с самаго начала наших совмѣстных дѣйствій против Сталина.

Рыков: И правильно. Потому что, якаясь, можно навлечь подозрѣніе и на себя, и на своих единомышленников.

Бухарин (Радеку): Ну, так, если хочешь знать, не я искал свиданія с Тухачевским, а он сам.

Радек: Еще того лучше? А на что ему это понадобилось?

Бухарин: Согласовать наши взгляды.

Радек: На что?

Бухарин: Что ты «дурака строишь»? будто сам не знаешь.

Радек: Фу — ты, **Donnerwetter!** Мы же окружены доносчиками со всѣх сторон, и пока мы уберем Сталина, он десять раз приберет нас к рукам! — Вѣдь, в руках его весь аппарат власти!

Бухарин: Вздор! Потому, что Ягода с нами, а ГПУ — это все!

Радек: А со Сталиным — Ежов, который мѣтит на мѣсто Ягоды!

Бухарин: Мало ли что мѣтит! — руки коротки! (Во время послѣдних реплик, слѣва слышится шелканье замка и шум отворяемой двери; одновременно же с послѣдними словами Бухарина, из передней входит Генрих Ягода... — Это худощавый брюнет, средняго роста, 45 лѣт, сравнительно благообразный, с табачнаго цвѣта лицом, тонкими усиками и «нацѣливающимися» глазами. «Злые языки» не были далеки от истины, говоря, что это «Мефистофель из черты осѣдлости». — Ягода одѣт во френч, при револьверѣ на кушакѣ, и в кавалерійских брюках, заправленных в элегантные сапоги. Под мышкой у него объемистый портфель. Глава ГПУ явно старается импонировать шиком военнаго пошиба и ледяною «дѣланной» вѣжливостью; — когда же «лед» ломается, обнаруживается исключительно наглая, грубая натура, незнающая удержу в гнѣвѣ. Это несомнѣнный циник из породы «хищников», однако, дѣлающій вид, что цинизм его напускной, за которым скрываются ни вѣсть какія качества, характерныя для сверх-человѣка).

Ягода (здороваясь со всѣми): Опять разговор о Ежовѣ и его «рукавицах»? Только и слышишь, что об этом карликѣ. Как будто нѣтъ интереснѣе темы, чѣм «дерьмо в травѣ»!

Рыков (здороваясь): Что это значит?

Ягода: «Дерьмо в травѣ»? — А это, когда идешь по лужайкѣ и не видишь в травѣ, гдѣ собака нагадила. Рраз! — поскользнулся и влип... (Всѣ смѣются).

Радек (ему): Ты без звонка вошел?

Бухарин: У него свой ключ, как и у меня.

Рыков (и другіе, обступая Ягodu): Ну, Генрих, не томи: говори начистоту, почему они сознались на судѣ и сами себя присудили к растрѣлу.

Бухарин (Ягодѣ): Что, вы их и правду там пытаете, на Лубянкѣ?

Радек: Вѣдь ты же вел слѣдствіе совместно с прокуратурой?

Ягода (слегка «отбойриваясь»): Ох, братцы? подождите! не гадите всѣ разом! Дайте сперва очухаться! — Сейчас я с самим говорил.

Рыков: С «храбрым Юськой»?

Бухарин: Ты его видѣл?

Ягода: По телефону. Ничѣм ему не угодишь! — вызвал к себѣ

назавтра. Чую, будет распеканція... (Увидѣвъ бутылки): Аа. Бургундское!.. Дайте скорѣй освѣжиться! (Радек наливает бокал, который Ягода жадно осушает).

Бухарин: Нѣтъ, серьезно! — каким способом добиваются, в ваших подвалах, признанья даже в том, в чем люди не виноваты?

Рыков: Ясное дѣло — пытаются. Иначе не объяснишь!

Ягода: Ах, товарищи, о каких «пытках» вы говорите? Смѣшно прямо слушать!.. Если человек, скажем, курит по сто папирос в день, или (смотрит на Рыкова) равнодушен к алкоголю, то оставьте их на сутки без табаку и «Рыковки» и увидите, на что они будут способны! (Общій смѣх). Или, скажем, человек спать хочет, а его денно и ночью допрашивают по 12 часов кряду. Развѣ это значит «пытать»? (Общій смѣх).

Бухарин: Но что же тогда называть «пытками», хотѣл бы я знать?

Ягода: Ну, это особь статья! Не хочу «разбазаривать» профессиональной тайны. Работа чекиста — это тоже искусство. И нам, извиняюсь, как и настоящим артистам, дороги наши профессиональные тайны. **Кровно** дороги, можно сказать.

Радек (выразительно): **Кровно!** (Снова смѣх).

Ягода (шутливо): Будьте покойнички!.. Одно только скажу (чеканя слова): если совѣтская власть до сих пор нас не «накрыла», — в том заслуга моей тайной полиціи в Комиссариатѣ Внутренних Дѣл... (Снова наливает себѣ Бургундскаго и пьет).

Бухарин: Ну, это и так всѣм извѣстно, что лошади жуют овес.

Ягода: А вот Зиновьев и Каменев того не понимали и теперь только узнают, как морду от меня воротить.

Рыков: Ну-да, это извѣстныя сволочи!

Зинаида (появляясь в столовой): А-а! и Генрих здѣсь?!.. (Входит и здоровается с Ягодой). Здравствуй, милый, устал? Проголодался?!.. (Он цѣлует ей руку). Воображаю, до чего извел, тебя этот процесс! (Ко всѣм). Идемте же скорѣе за стол — послѣ наговоритесь, товарищи! Вас ждут пулярдки и чудесный «Пюмар». (Пропускает всѣх в столовую). Живо за стол... (Кричит): Няня!.. подавайте!.. (Всѣ радостно спѣшат в столовую. Ягода задерживает Зинаиду на порогѣ и, прикрыв двери в столовую, отводит свою любовницу ближе к рампѣ).

Ягода (передавая ей портфель): Спрячь это у себя посохрани-те. Это то, о чем я тебѣ намекал.

Зинаида (полушопотом): «Дѣло» против... Сталина? Да?.. документы? Фотографіи?

Ягода (слегка уж под хмельком): И то, и другое плюс черновики компрометантных приказов.

Зинаида (тревожно): Что-нибудь случилось?!.. Он угрожает тебѣ?

Ягода (морщась): Ну вот еще!.. Просто — предохранительная мѣра «переходнаго времени». Если бы, паче чаянія, он нацѣлился на меня ненароком, — не медли ни минуты: — иди в Политбюро, к членам президіума, разоблачи «Храбраго Юську» и облегчи мнѣ

занять его мѣсто. Понятно? (Хлопая по портфелю). Я эти документы больше 10-ти лѣтъ коплю.

Зинаида (беря из рук Ягоды портфель, говорит скороговоркой «заговорщицы»): Не безпокойся, дорогой: — если что, не дай Бог, — положишься на меня, как на...

Варвара (открывает дверь из столовой, гдѣ видна няня, обносящая гостей блюдом с пулярдками): Зина! Что ж ты оставила гостей? — хотят выпить за твое здоровье.

Зинаида: Сейчас... (Ягодѣ): Вы не знакомы? — Моя сестра... Варвара. Прошу любить и жаловать.

Ягода (здороваясь с видом Дон-Жуана): Любить? — «Всегда готов», — как говорят пионеры... А насчет «жалованья», — можете рассчитывать на «высшую ставку». (Цѣлует руку Варвары. — Зинаидѣ): Вот не думал, что у вас такая очаровательная сестренка!

Зинаида (смѣясь): Рада за сестру и даже... польщена... Идемте же ужинать, не то простынет. (Уходит в столовую, полузакрыв за собой дверь).

Варвара (Ягодѣ): Так это вы — тот страшный чекист, о котором заграницей создались легенды?

Ягода (с утонченной вѣжливостью): Польщен такими слухами. Но... развѣ я похож на «кровопійцу»?

Варвара: Гм... как вам сказать... А вы гордитесь этой кличкой?

Ягода (серьезно): Пить кровь врагов Совѣтскаго Союза и угнетателей пролетаріата не так преступно, как вы думаете.

Варвара: И что ж?.. вкусна человѣческая кровь?

Ягода: Гм... как старое Бургундское. (Оборачиваясь к столу): Хотите бокал этой чудесной влаги? (Наливает ей и себѣ). Если имѣть воображеніе, она утоляет жажду справедливости.

Варвара (не рѣшаясь пригубить): Брр!.. Это не...

Ягода (смѣясь): Будьте покойнички! Это лучший напиток, какой существует на свѣтѣ. (Она пьет; он смѣется). Похоже на кровь?

Варвара: Не знаю, но... вы не похожи на мое представление о вас.

Ягода (беря ее за руку): А вы как раз похожи на мой идеал: — заносчиво-пикантная, в мѣру «сэкс-аппильная», с кошачьей женственностью, ну, словом — полунощный ангел, сфабрикованный в Парижѣ.

Варвара (смѣясь): Я вижу, вы не скряга насчет комплиментов.

Ягода (выразительно): И не только насчет комплиментов. Поэтому что... вы мнѣ страшно нравитесь.

Варвара: «Страшно»?.. Ну, так я должна сторониться вас.

Ягода: И не подумайте! Не то общаю, что вас буду «преслѣдовать»! — вы не боитесь?

Зинаида (открыв настеж дверь столовой): Варя! Генрих!.. идите же ѣсть! Всѣ вас ждут.

Ягода и Варвара (вмѣстѣ): Идем, идем!.. (Уходят, вмѣстѣ с Зинаидой, в столовую, гдѣ им навстрѣчу поднимаются рюмки пирующих и несутся крики: «за ваше здоровье»).

З а н а в ѣ с .

КАРТИНА 2-я

В «Горках» — под Москвою — у Сталина.

Поздний вечер. — Рабочій кабинет совѣтскаго диктатора, — сравнительно скромных размѣров, «спартански» обставленный, — освѣщен большою лампой над письменным столом, проливающей яркій свѣтъ из-под темнаго абажура*).

Этот свѣтъ вырывает из тьмы не весь кабинет, а лишь часть его, окружающую письменный стол, оставляя стѣны, с географическими картами и фотографіями, а равно и окна, скрытыя под тяжелыми занавѣсками, в призрачной полутьмѣ.

Сам хозяин, при поднятіи занавѣса, сидит за столом, почти у самой рампы, полу-спиною к публикѣ, являя, на свѣтлом фонѣ, образуемом лампой, внушительный «силуэт».

Перед ним, — хорошо освѣщенные тою же лампой, — стоит, за столом слѣва, Ежов и сидит, в креслѣ справа, Ягода.

Ежов, — этот «вѣрный полицейскій Сталина» (как прозвали его в ГПУ) — представляет собой исключительно невзрачную фигуру, крошечнаго роста, на кривых тоненьких ножках. — Лицо его, угловатое, с кулачок, со лбом «кретина», сѣровато-блѣднаго цвѣта, со «сверлящими насквозь» глядѣлками, — окаймлено огромными ушами-лопухами и прорѣзано тонкогубым, женственным ртом. — Ежов «ораторствует» высоким фальцетным голосом, но в этом голосѣ нѣтъ ничего «бабьяго». — Одѣтъ Николай Иванович Ежов в военную форму НКВД, при громоздком «наганѣ» у кушака, что довершает карикатурность этого памятнаго в Совѣтском Союзѣ «кроваваго карлика».

Сложнѣе характеристика хозяина даннаго мѣста дѣйствія. — Среди тѣх внѣшних данных, какими портреты Сталина знакомят с ним, слѣдует отмѣтить его не-высокій рост, согнутость ног в колѣнях (обусловливающих походку в развалку) и грубоватыя, словно «набухшія» черты малоподвижнаго лица. Одѣтъ Юсиф Виссаріонович в сѣрую «сталинку», — нѣчто среднее между фрэнчем и гимнастеркой, — и черные брюки, заправленные в не-высокіе сапоги из мягкой кожи, какіе носят простолюдины Закавказья. — «Первое впечатлѣніе, — пишет о Сталинѣ его бывший секретарь Б. Бажанов, — выдержанный, спокойный и простой человек. При этом думаешь, — и вѣроятно очень умный». Но оказывается, при ближайшем знакомствѣ с диктатором, что «имѣешь дѣло с человеком некультурным, необразованным, не знающим ни иностранных языков, ни русской литературы, ни заграничной жизни. Когда на засѣданіи Совнаркома, один из его участников предложил в наркомы РКИ кандидата «дѣльнаго и умнаго», — Ленин перебил его, заявив: «ну, туда умнаго не надо; пошлем туда Сталина»... Ум у Сталина в значительной части замѣняется хитростью, которая сквозит в его взглядѣ, в улыбка и в интонаціях рѣчи, не чуждой гортанных призвуков, свойственных закавказским горцам. Эта «восточная» хитрость

*) О характерѣ внутренних апартаментов в домѣ Сталина дает представление картина худ. А. Яр-Кравченко «Горкій читает Сталину», воспроизведенной в совѣтском журналѣ «Новый мір», 1947 г. № 11.

Сталина отпечатлѣлась и на общемъ выраженіи его лица, создающемъ образъ «хозяина радушнаго», но не очень, — хозяина, знающаго себя цѣну». О томъ, какова эта «цѣна», говоритъ его «хамское», — по словамъ того же Б. Бажанова, — отношеніе къ тѣмъ, кто передъ нимъ раболѣпствовалъ. Напримѣръ, Сталинъ звонитъ. Дежурная курьерша куда-то отлучилась и въ кабинетъ входитъ одинъ изъ его помощниковъ (Товстуха или Каннеръ). Сталинъ говоритъ только одно слово: «спички», или «чаю!» и тѣ летятъ «сломя голову» исполнить приказаніе совѣтскаго сатрапа. — «За полтора года непрерывной службы со Сталинымъ, Б. Бажановъ «ни разу не слышалъ, чтобы онъ кричалъ, въ раздраженіи, или даже повысилъ голосъ», не говоря уже об отсутствіи излишней жестикуляціи, «размахиванія руками» и т. п. — Его спокойная увѣренность въ партійной тактикѣ, которой онъ неукоснительно придерживается, создаетъ временами нѣчто вродѣ гипноза: — на его головѣ, кажется, и впрямь почиетъ корона диктатора, такая же реальная, какъ трубка табаку, дымящаяся у него во рту.

Ягода (продолжая начатую бесѣду): ...Ты самъ понимаешь, Іосифъ Виссаріоновичъ, сколько понадобилось труда и сноровки, чтобъ обработать къ суду, такихъ гадовъ, какъ эти Зиновьевъ и Каменевъ со всѣмъ ихъ охвостомъ!.. Ты, вотъ, обвиняешь меня, что кто былъ на судѣ, тому ясно стало, что виновные говорятъ не свои слова, а навязанные имъ властями, и оттого, мол, все раскаяніе ихъ и самообвиненіе выгляждѣло какъ нарочно подстроенное. А между тѣмъ, скажи откровенно, ну могъ ли я допустить, чтобы эти сволочи говорили на судѣ то самое, въ чемъ другіе оппозиціонеры видятъ правоту «зиновьевскаго блока»!.. вѣдь этакъ бы получилась чистѣйшая пропаганда и противъ тебя, и противъ всей партіи, то есть контр-революціонный соблазнъ на весь міръ!.. Опять же прими во вниманіе: — не я одинъ обрабатывалъ подсудимыхъ, а и прокуроръ Вышинскій, съ которымъ у меня въ очень многомъ были расхожденія. Чего только онъ не требовалъ отъ подсудимыхъ, если б ты зналъ! прямо смѣхъ разбираетъ. — А тѣмъ подлецамъ только и надо было, чтобъ имъ дали въ неправдоподобномъ видѣ сознаться. Тогда все бы увидѣли, что это явный нажимъ со стороны ГПУ, а не добровольное раскаяніе. Если б не мой энергичный протестъ, — получилась бы такая кукольная комедія, что всѣ бы лопнули отъ смѣху на процессѣ!..

Сталинъ (тусклымъ голосомъ, съ легкимъ національнымъ акцентомъ): И все равно ихъ раскаяніе «было шито бѣлыми нитками» — нѣ убѣдительно ни для кого!.. Сегодня съ утра чуть не поголовно все Политбюро мнѣ по телефону звонило: зачѣмъ такой несуразный процессъ затѣяли? Да еще въ такое время, когда члены президіума большей частью въ раздѣздѣ, Кагановичъ въ командировкѣ, Молотову не дали предупредить никого и вообще такое головотяпство устроили, за которое не знаю, какъ и отвѣчать теперь.

Ягода: Ну, наши члены Политбюро всегда чѣмъ-нибудь недовольны. Критиковать легко!..

Сталинъ: Да какъ же не критиковать, если подсудимые обличали себя въ небывицахъ, да еще требовали за то смертной казни! Вѣдь это ж курамъ на-смѣхъ: ни письменныхъ уликъ, ни вещественныхъ дока-

зательств, ни каких бы то ни было документов и в поминѣ не оказалось!

Ежов (сухим тоном): Это вѣрно! — И на это всѣ обратили внимание.

Сталин (Ягодѣ): Ты же сам должен понять, что это совѣм не фасон: встает человек на судѣ и нагло заявляет, что он совершил преступление. А доказательства гдѣ?.. гдѣ доказательства, я спрашиваю?.. Эдак всякій может преступником себя объявить, если на него «воздѣйствуют» на Лубянкѣ.

Ягода (нервничая, обозленный): Что же мнѣ самому надо было сфабриковать документы?

Сталин: Зачѣм самому? — надо было, чтоб преступники о том позаботились... Раз преступник сознается в том, что нам требуется, — пусть он, в подтверждение, и документ соотвѣтственный припасет.

Ягода: Ну, это выходит одно на одно: как ни верти, а фальшивка!

Сталин: Нѣт, это не то же самое! И вообще насчет «фальшивки» ты это оставь, потому что надо заботиться не о своих «бѣлоснѣжных ризах», а о том, что идет на пользу партіи и что диктуется социалистической цѣлесообразностью. Партія должна быть монолитной. И если какіе-то ишаки, из амбиціи, хотят ее разорвать на фракціи, то надо их бить по рукам! А не поможет, так по головѣ!

Ежов: Правильно!

Сталин: Не такое время, чтобы цацкаться с оппозиціей! Мы в лицѣ ея, имѣем дѣло не с людьми, желающими помочь партіи, а с фракціей, которая подкарауливает Центральный Комитет из-за угла: «авось, дескать, ошибется, прозѣвает, а мы его и пристукнем!» Это и есть фракція, когда члены ея поджидают центральныя учрежденія у переулочка, чтобы сыграть либо на неурожаѣ, либо на паденіи червонца, либо на других затрудненіях партіи, — и тогда выскочить из-за угла и стукнуть партію по головѣ.

Ягода (сдержанно): Я и так хорошо знаю, к чему клонят фракціонные маневры!

Сталин: — А коли знаешь, — зачѣм фыркаешь: мол, «фальшивка»... Развѣ Ленин не учил, что полезно вводить врага в заблужденіе, когда с ним воюешь. Все дѣло в том, за что сражаешься: за коммунистическую партію, за ея монолитность, или же против. Если против — к «стѣнкѣ»! — говорил Ильич, — и никаких разговоров!.. На войнѣ не время мораль разводить: пропадешь!

Ежов (задиральным тоном доктринера, который явно коробит Ягodu): Партія большевиков — не монастырская братія, а боевой коллектив, у котораго одна правда — настоящая, для внутренняго употребленія, а другая — показная, для внѣшняго употребленія! Потому что «с волками жить — по волчьи выть» и все должно быть «шито-крыто», чтобы «комар носа не подточил»!

Ягода (обдавая Ежова презрѣніем): На кой чорт ты прописныя истины мнѣ повторяешь?! Учить меня вздумал, или просто «образованностью» щеголяешь?

Ежов: Не учить, а напомнить, что и показная правда должна смахивать на настоящую, иначе кто ей повѣрит!.. А коль не повѣ-

рят, — получится конфуз для всей партіи и, прежде всего, для товарища Сталина: не доглядѣл, мол, не сумѣл подать товар в надлежащей оберткѣ! И тогда в преступники зачислят не тѣх, кого Сталин казнит за вредительскую фракціонность, а его самого: — дескать, сводит личные счета с неугодившими ему товарищами?

Ягода (еле сдерживая гнѣв): Послушай, товарищ Ежов! Я приѣхал сюда, чтобы выслушать мнѣніе Сталина, с которым считаюсь, как с партійным авторитетом. Твои же разглагольствованія, извиняюсь, мнѣ вот на столечко не интересны и ты можешь смѣло оставить их при себѣ.

Сталин (Ягодѣ): Не будем горячиться из-за пустяков! — Дѣло партіи важнѣе наших личных самолюбій.

Ягода: Конечно, но... для меня, извиняюсь, сюрприз — присутствіе, при нашей бесѣдѣ, Ежова.

Сталин: Почему сюрприз?.. Ежов — Предсѣдатель Комиссіи Партійнаго Контроля и ему надо быть в курсѣ дѣла.

Ягода: Может быть, это и надо, но учить меня уму-разуму вовсе не надо!

Ежов: Я и не учу совсѣм!..

Ягода (перебивая): Пускай сначала послужит нашей партіи так, как я послужил ей, за эти 15 лѣт, а потом уже учит меня, как мальчишку!

Ежов (Сталину): Я могу уйти, если мѣшаю!.. Я приѣхал сюда по вашему вызову, Јосиф Виссаріонович, а не по своей личной волѣ. (На столѣ раздается приглушенный звонок телефона. — Ежов снимает трубку и произносит леденящим тоном): Алло! вы знаете, куда звоните?.. (Слушает и, закрыв пріемник, говорит сквозь зубы Сталину): Радек приѣхал... привез новости.

Сталин: Спроси: спѣшное что-нибудь?

Ежов (в телефон): Это спѣшно?.. (Пауза. — Сталину): Говорит: спѣшно.

Сталин: Ну, ладно! Пусть повременит! Я вызову.

Ежов (в телефон): Повремените, товарищ! Вас вызовут. (Вѣшает трубку).

Сталин (ухмыляясь): Это он забѣгает вперед, чтобы не «пришили» его к Зиновьевской бандѣ. (Ягодѣ) Кстати: почему ты скрыл от меня, что и Радек, и Бухарин, и Рыков причастны к контр-революціонным подкопам этих бѣшеных псов?

Ягода (чеканит леденящим тоном): Потому, что они никакого отношенія к ним не имѣют. Этот донос — просто взятка суду, которой преступники мнили облегчить свою участь. (Кривя губы) Бухарин, Радек и Рыков давно уже далеки от «бѣшенных псов».

Ежов (шуря глаза): Ой-ли!.. У меня другія свѣдѣнія на этот счет... И я даже знаю через кого поддерживалась связь с Бухариним.

Сталин: Через кого же?

Ежов: Через террориста Карева, близкаго к убійству Кирова.

Сталин (глухим голосом): Час от часу не легче!..

Ягода (вспыхнув): Ну, если Ежов хочет к самому ГПУ свое собственное Че-Ка приставить, — я не отвѣчаю тогда, во что обратится наш политическій сыск!

Сталин (ему): Не горячись, Генрих! Пожалѣй печенку!.. (Ежо-

ву): А ты, Николай Иванович, окажи услугу: обыщи этого Радека, перед тѣм, как пустить сюда. Только деликатным манером: вродѣ, как обнять его хочешь. Понял?

Ежов (колеблясь): Как бы снова неприятности не вышло, как с Луначарским послѣдній раз, когда его стали ощупывать?

Сталин: Ну, то бывшій нарком, как ни как, и безвредный барашек! А Радек — дѣло другое: — тот, кто требовал вчера смертной казни для бывших друзей, может сам привести ее в исполненіе сегодня.

Ежов (пасмурно-озабоченный): Осторожность разумѣтся не мѣшает.

Сталин: Вот именно! Сдѣлай одолженіе!

Ежов: Ладно! (уходит).

Сталин (встает и разминает ноги. — Послѣ паузы): Я тебя хотѣл предупредить, милый друг: — у тебя там, с этим Бѣломорским Каналом, недочет получился в отчетѣ...

Ягода (не смущаясь): Я знаю.

Сталин: Нѣту нѣкоторых оправдательных расписок в израсходованных суммах. А это дает пищу злым языкам и, так сказать, компрометирует.

Ягода (приходя в раж): Перед кѣм?!.. Перед Ежовым этим самым?!.. Перед кѣм компрометирует-то?!

Сталин (улыбаясь): Чшш!.. — вообще перед партійным контролем... Ты привык жить широко, занимаешь видный пост, продырявил затылков немало без объясненія причин, — потому с тебя больше и спрашивается. А ненавидят тебя — сам знаешь — не меньше, чѣм меня. И многіе только и ждут, чтобы бросить нас обоих на растерзанье врагам... Словом, я предупредил тебя... прими мѣры!

Ягода (встает в гнѣвъ): Вот сволочи!.. — обвиняют в растратѣ того, кто сэкономил миллионы на даровом трудѣ арестантов! Кто обогатил Совѣтскій Союз гигантскими сооружениями, какія не снились фараонам в Египтѣ! Кто так вымуштровал раб-силу в концлагерях, что смог одолжать ее даже госпредпріятіям, как безупречный товар!.. И за это все обвиненье в растратѣ?!.. Даже грошевого «на-чая» не хотят мнѣ сунуть за мою экономію?! Гдѣ же справедливость в таком случаѣ?

Сталин: Эх, чего захотѣл!

Ягода: С каких пор «сбереженье» стало называться «растратой»?

Сталин (взглянув на часы, включает радіо-приемник): Не порть себѣ печенки! — Рѣчь идет о формальной сторонѣ дѣла, а ты в сентименты пускаешься.

Ягода (отдышавшись): Чорт с ними с этой сволочью неблагодарной! — Я могу в крайнем случаѣ и пополнить недочет, если нужно! Пусть подавятся моим заработком, паршивцы!.. А еще товарищами называются! Дерьмо!

Голос из радіо-аппарата: «...и гнусная шайка Зиновьева, Каменева, Мрачковскаго, Смирнова и других врагов пролетаріата понесла наконец заслуженную кару! Приговор приведен в исполненіе!.. Чище стал воздух, легче стало дышать, послѣ того, как раздавлена эта

погань. Тысячи писем колхозников, ученых, писателей стеклись, в эти дни, в нашу красную столицу. Безграничная любовь к вождю народов, отцу и учителю трудящихся, нашему дорогому товарищу Сталину, выражена в этих письмах, проголосованных миллионами. «Никакая сила в мире, — говорится в этих письмах, — не сможет свернуть нас со сталинского пути. Бронированной стеной мы, патриоты Советской страны, окружили руководителей нашей партии и правительства, которые, дают примёр сто-семидесятимиллионному народу!.. Бдительность и еще раз бдительность, — вот что требуется сейчас от всякого строителя социализма. Зорче глаз! Не смыкать его ни на минуту!.. Пусть те, кому... (Сталин с усмешкой обрывает радио-речь. — К тому времени, как она зашла о «тесном единении и товарищеской сплоченности руководителей партии и правительства», вернулся Ежов и встал, симметрично с Ягодой, сбоку Сталина, остановившагося посреди комнаты. При словах о «безграничной любви к вождю народов», «проголосованной миллионами», Сталин глухо смётся; при словах же о «тесном единении и товарищеской сплоченности» членов правительства, все трое — Сталин, Ягода и Ежов еле сдерживают издвательский смех).

Ягода (протягивая руку Сталину): Я тебе больше не нужен?

Сталин (пожимая его руку): Нет, нет... Не забудешь, что я тебе посоветовал?

Ягода (с возможной для него сердечностью): Твои советы, милый, для меня закон!.. (протягивает руку Ежову. — Холодно). Пока! — Счастливо оставаться! (Уходит. — Ежов идет вслед за Ягодой и закрывает поплотней за ним дверь).

Сталин (вновь усаживаясь за стол, говорит примирительным тоном): Он готов пополнить, если там недостаток какой, по ведомостям Блломорского Канала.

Ежов (с ядовитой усмешкой): «Если там недостаток»?.. Ха, ха. Там не недостаток, Иосиф Виссарионович, а такое хищение, что жутко себя даже представить!

Сталин (мягко): Ну, да ты больно придирчив! Как никак человек старался и даже... признан героем!

Ежов: Да, ведь, это же форменный вор, этот самозванный герой, бандит, которому место на каторге! садист, которому место на виселице! лицемер, которому нигде не может быть места!.. И подобный мошенник возглавляет комиссариат внутренних дел?! контролирует ваших личных телохранителей?! Да, ведь, это же чудо, что вас до сих пор не прикончили!.. Это счастье, что мне удалось к вам приблизиться и разоблачить негодяев, которые вас окружают!

Сталин: Ох, как ты любишь сгущать краски, Ежов!.. Страшно подумать, если все таково, как тебе рисуется!

Ежов (сощурив глаза, похлопывает по своему портфелю): Тут у меня все данные об этом подобраны.

Сталин (тоскливо): Прямо жутко слушать, что ты мне рассказываешь.

Ежов: А вы думаете мне не жутко вам об этом докладывать?

Сталин (кривя губы, послѣ паузы): Что ж он мѣтит на мое мѣсто, что ли?

Ежов: И еще как!

Сталин (начая головой): Дурак!.. Неужели он думает меня про-вести?

Ежов: Хуже: — он думает вас подвести перед партией!

Сталин (почти кричит): Ягода?!

Ежов: Он самый!

Сталин: Вздор!

Ежов: Что вы хотите от человѣка, который служил в царской охранкѣ?!.. Такіе люди не брезгают ничѣм, чтобы завоевать себѣ положеніе в свѣтѣ. А Генрих Ягода...

Сталин (перебивая): Служил в царской охранкѣ?! — Никогда не повѣрю!

Ежов: А это что?!.. (Вынимает из портфеля и показывает Сталину полицейскій документ, с двумя фото-снимками Ягоды: в профиль и фасом. — Сталин жадно разглядывает снимки, смотрит на свѣт документ, провѣряет печати и подписи, отшвыривает его с презрѣніем на стол и, как бы в изнеможеніи, закрывает рукою лицо). Убѣдились?!.. Я вратъ вам не стану!.. Вы сами теперь видите, что это криминальный тип, от котораго можно ждать каких угодно сюрпризов. «Помѣсь лисицы и свиныи». — так говорил Максим Горькій о подобных мерзавцах... И этот царскій охранник смѣет заявлять, в вашем присутствіи, что мои «равглагольствованія» ему не интересны и я «могу оставить их при себѣ»!

Сталин: Да брось обижаться!.. Придет час и расквитаешься... Скажу то же, что говорил и Дзержинскому, когда его «задѣвали» (сладострастным тоном): — «выбрать жертву, тщательно подготовить удар, утолить неукротимую жажду мести и, послѣ этого, пойти спать. Ничего нѣтъ слаще на свѣтѣ!». Имѣй только терпѣнье!

Ежов (вздыхая): Легко сказать!

Сталин: Вздор! — «Мечь это такое блюдо, которое надо есть холодным», — говорят в Испаніи... А пока... Зови сюда этого «Крадека», как его величали в Польшѣ.

Ежов (встрепенувшись): «Крадека»?.. А я не знал этой клички Радека.

Сталин: Обыскал каналью?

Ежов: Уж так нѣжно обнял, ажно чуть не прослезился... (Оба смѣются. — Ежов подходит к ферафону и, сняв с крючка приемник, говорит отчетливо): Иосиф Виссаріонович ждет товарища Крадека, то есть, тѣфу! — Карла Радека. (Вѣшает приемник на мѣсто. — Понизив голос и указывая украдкой на дверь): Боится, сукин сын, что «пришьют» к дѣлу Каменева и Зиновьева, а невдомек паршивцу, что «пришит» уже к дѣлу Пятакова, Сокольников и их охвостья.

Сталин (усмѣхаясь): Как невдомек и то, какой другой еще процессище грозит всей этой красной погани, возставшей против меня... (Почти шопотом и подняв предостерегающе палец): Но только берегись об этом... кому бы то ни было! Чши!.. слышишь?

Ежов (шипит, кивая в знак согласія): Чши!.. слышу!.. (Уходит, почти на цыпочках, столкнувшись в дверях с Карлом Радеком).

• **Радек** (входя с напускной развязностью): Безцѣнному водю пролетаріата многія лѣта!.. (Здоровается). Как драгоценное здоровье?

Сталин (пожимая руку гостю): Тут, брат, не о здоровьи думаешь, а о том, как бы жизнь сохранить.

Радек: Я как раз по этому поводу. (Здоровается с Ежовым).

Сталин: Что-нибудь новое?.. Садись!

Радек: Да! и нѣчто неожиданное. (Садится против Сталина, ярко освѣщенный лампой).

Сталин (кривя рот): Очередной заговор?

Радек: Вы угадали!

Сталин (усмѣхаясь): И в первую голову, конечно, — против «Отца народов?».

Радек (улыбаясь): Это неизбежно, раз вы — глава партіи, Иосиф Виссаріоныч.

Сталин (вскипѣв): Чорт возьми! — слоновьи нервы, и тѣ не выдержат всѣх этих подвохов, покушеній, комплотов, угроз моей жизни, фракціонных происков и просто подсиживания, из-за угла.

Радек: Да, времена такія, каких давно не было!

Сталин (перебивает, не слушая): И не странно ли! чѣм больше меня превозносят, — тѣм больше на меня покушеній!.. Прямо анекдот!.. Что это, из зависти? Неужели кому-либо охота влѣзть в мою шкуру?

Радек: Но что вы хотите от идиотов, у которых амбиція?

Сталин (продолжая свое): Пока был секретарем партіи, — никто не покушался ни на жизнь мою, ни на доброе имя. А как стал «Отцом народов», — прямо хоть на улицу не показывайся!.. Боюсь, как бы не объявили меня Господом Богом; тогда «пиши пропало»!

Радек (смѣясь): ...И дня вам тогда не прожить!

Сталин: Я тоже так думаю!

Радек: Как-никак «бог» — это «не фунт изюму»!

Сталин: Дурачье! (Вздыхнув): Ну, выкладывай, кто там еще злоумышляет?.. А главное — слухи это, или факты?

Радек: Факты, факты! и при том не терпящіе отлагательства!.. — я к вам мчался на всѣх парах!

Сталин: В чем дѣло?

Радек (оглядывается на дверь и «выпаливает»): Тухачевскій!

Сталин (словно ошарашенный): Что «Тухачевскій»?

Радек: Маршал Тухачевскій!

Сталин: Маршал Тухачевскій?

Радек: Он самый!

Сталин (задумчиво): Гм... я о нем знаю!

Радек (с улыбкой): Ну кто же о нем не знает!

Сталин (рѣзко): Не оstri, когда говоришь о серьезном!.. (Сдержанно): Мнѣ уж доносили о нем... И кто с ним заодно?

Радек (оглянувшись): Гамарник, Якир, Уборевич и Корк. — Большой военный заговор.

Сталин: Это не слухи?

Радек: Ни коим образом!

Сталин: Докажи!

Радек: Тухачевскій ишет опоры у правых партійцев.

Сталин: Напримѣр?

Радек: Гм... у Бухарина.

Сталин: Врешь!

Радек: А вот и не вру! — Ему нужны авторитеты среди бывших сподвижников Ленина.

Сталин: Да, вѣдь, Бухарин смѣется над ним: — дескать, «Наполеончик».

Радек: Бухарин и не лѣзет к Тухачевскому, а вот маршал — наоборот.

Сталин: Докажи!

Радек: Очень просто! (Закуривает трубку). Звоню на-днях к Бухарину: там ли маршал Тухачевскій? — Нѣтъ, — отвѣчает женскій голос, — его не ждут сегодня... «Ага, — думаю, — сегодня не ждут, а вообще, значит, ждут!

Сталин: Ну, это слабое доказательство!

Радек: Знаю, а потому я искал подкрѣпленія!

Сталин: И что же?

Радек: Нашел. (Затягивается дымом).

Сталин: А именно?

Радек: Рассказываю я вчера анекдот Бухарину... Никому до него я анекдота своего не рассказывал, кромѣ... кромѣ маршала Тухачевского, который любит, как вы знаете, чужими остротами пробавляться.

Сталин: И что же?

Радек: Бухарин не дает досказать: «слыхал, — говорит, — этот анекдотец, нѣтъ ли поновѣе?..» Ага, — думаю, — попался голубчик!

Сталин: Кто? Бухарин?

Радек: Тухачевскій! — Стало быть, он видится с Бухариным, лѣзет к нему за чѣм-то и, чтоб задобрить, рассказывает свѣженькіе анекдоты.

Сталин (ухмыляясь): Ну, и провокатор же ты!

Радек: А что подѣлаешь с военными, когда у них такая конспирація, что брат брату не говорит, как его дома папа с мамой зовут.

Сталин: Ну и что же «Наполеон» злоумышляет?

Радек: Я его, простите, зову не «Наполеон», а «Доколѣон».

Сталин: Что это значит?

Радек: «Доколѣон»? — А то, что «доколѣ он» будет воображать себя гением.

Сталин (смѣясь): А-а!.. Я сразу не понял.

Радек: Вѣдь это ж безпримѣрная самонадѣянность: — хочет поднять армію против Кремля, устранить вас от власти, занять ваше мѣсто и покончить с коммунистической партіей.

Сталин: Нда... Пустяки-дѣло! А какой же лозунг выставляет твой «Доколѣон»?

Радек (иронизируя): Патріотическій!

Сталин (удивленно): Патріотическій?

Радек: Патріотическій! — Говорит, что насажденіе колхозов, со ссылкой в Сибирь, если кто недоволен, а кстати и с конфискаціей

всего имущества, имѣло результатом голод, даже в самых хлѣбородных мѣстах. Милліоны крестьян, мол, бѣжали от напасти в города. И когда пошли слухи о неизбѣжном нашествіи нѣмцев, то, извиняюсь, на них стали смотрѣть, не как на врагов нашей родины, а как на избавителей от ваших гибельных экспериментов.

Сталин: «Гибельных»?

Радек (вкрадчиво): Это не я говорю: это они говорят!

Сталин (зло): Кто?

Радек: Тухачевскій с компаніей!

Сталин: Дальше!

Радек: Стали утверждать, что, все равно, хуже не будет: — «нѣмец не сдѣлает больше вреда нашей родинѣ, нежели Сталин!»

Сталин (багровый): «Вреда»?

Радек: Повторяю, — это не я говорю, а военные заговорщики.

Сталин: Ну и что же дальше?.. Какая ерунда!

Радек: При такой пораженческой психологіи, военный разгром Совѣтскаго Союза не представляет, для военных, никакого сомнѣнія. И вот, чтобы предотвратить его, Тухачевскій, с другими начальниками, и замыслили политическій переворот: — нужно, мол, отказаться от «сталинскаго режима», дать всѣм увѣренность в завтрашнем днѣ и... рас-крѣ-пос-тить крестьян.

Сталин: «Раскрѣпостить»?!

Радек: Вот именно. А «чудеснаго грузина», то есть вас, Іосиф Виссаріоныч, выбросить отсюда через Кремлевскую стѣну.

Сталин (усмѣхаясь): «Чудеснаго грузина»!.. Ай-да Тухачевскій! И у такого человѣка маршальскій жезл!.. Вот, до чего, мы дожили... Ну, как тут обойтись без разстрѣлов?!.. Научи!

Радек: Это совершенно неизбѣжно в вашем положеніи! Кромѣ шуток. — Декарт учил «сogito, ergo sum», т. е. «я мыслю — стало быть, я существую». Ваше же существованіе, как главы правительства, вытекает исключительно из разстрѣлов: — вы существуете, поскольку вы разстрѣливаете! И, наоборот, — вы разстрѣливаете, поскольку вы существуете!.. Это ясно, как дважды два!

Сталин: Ну, ты не можешь без софизмов!.. Хотя я начинаю думать, что ты был прав, когда требовал, в началѣ революціи, публичнаго разстрѣла всѣх ея предателей. (Пауза): В чем он еще меня обвиняет, твой «Доколѣон»?

Радек (мнется): Ну... мало ли в чем! Мнѣ неудобно все передавать: — я не сплетник!

Сталин: А ты не стѣсняйся! — «собака лает — вѣтер носит»!

Радек (по мѣрѣ того, как он курит, он все болѣе чувствует себя «дома» и начинает «распоясываться» в критикѣ, преподносимой под видом доноса): Ну, обвиняет в том, что у нас политическій режим безответственной диктатуры, при которой вооруженное меньшинство издѣвается над разоруженным большинством.

Сталин: Так, так!..

Радек: Говорит, что нѣтъ такой страны, гдѣ бы рабочіе жили в худших условіях, чѣм в СССР и гдѣ бы их так варварски эксплуатировали.

Сталин: Так, так!..

Радек: Утверждает, что вы привели компартию к такому **примитивному прозябанію**, какое характерно развѣ, что для эскимосов, у которых была раньше богатая, культурная жизнь...

Сталин (подняв брови): «Эскимосов»?.. Кто это мнѣ уж говорил про эскимосов? Ах, да! — Демьян Бѣдный.

Радек (вспыхнув): Вот плагиатор!

Сталин: Только он утверждает, что это **твое** собственное измышление.

Радек (покраснѣв): Мое?! (С усмѣшкой): Хм... это так же вѣрно, как то, что Демьян Бѣдный, котораго субсидирует наша казна, дѣйствительно бѣдный.

Сталин: Ну, ладно! — к чорту Демьяна! — интересно, что говорит Тухачевскій.

Радек: (овладѣв собою, продолжает с сарказмом, принимающим все болѣе и болѣе двойственный характер): Тухачевскій между прочим клянется, что постановление о новой конституціи, которою вы так гордитесь, принято Политбюро, не благодаря вам, а как раз **вопреки** вам и вашему желанію.

Сталин: Как так?

Радек: А так, что конституціей хотѣли воспользоваться, чтоб ограничить вашу диктатуру! Но вы, разгадавши маневр, объявили себя автором конституціи, чтобы перейти потом к разстрѣлу всѣх «конституционалистов».

Сталин (добродушно улыбаясь и качая головой): За какого ж он мерзавца меня считает!

Радек: И не только он, — даю вам честное слово!

Сталин (перебивает, почти рывкая): Что?

Радек: Ничего!.. Вы хотѣли, чтоб я был откровенен... Так вот!

Сталин (перебивая): Я хотѣл знать только то, что говорит Тухачевскій! А на остальных мнѣ плевать в высшей мѣрѣ и я не побоюсь, если нужно, разстрѣлять весь Центральный Комитет! Понял?

Радек (войдя во вкус «рѣзать правду-матку» в глаза ненавидимому им диктатору): Я это знаю! И маршал Тухачевскій это знает. Вот почему он и относит ваш режим к тѣм азіатским деспотіям, которыя не терпят никакого авторитета, даже ими самими созданнаго.

Сталин: Гм... Ну и что ты на все это скажешь?

Радек: Я?.. По-моему такіе взгляды основаны на сплетнях...

Сталин (непроницаемый): Какія сплетни обо мнѣ распространяются?

Радек: Да разныя! — мнѣ даже неудобно повторять.

Сталин: Ну, напримѣр?

Радек: Ну, напримѣр: как может человѣкъ, правящій ста семьюдесятью милліонами граждан, интересоваться такими пустяками, как... сплетни!

Сталин: Так, так!..

Радек: Надо быть крайне ограниченным человѣком, мелочным и малокультурным, чтобы придавать всяким слухам о себѣ такое исключительное значеніе! Надо быть просто ничтожеством, тупицей, чтобы...

Сталин: Подожди! — это кто говорит?.. Я уже сбился. — Ту-хачевскій или ты сам?

Радек (спохватившись): Он, он! Это только «Доколфон» может позволить себѣ такіе отзывы о гениальном Сталинѣ!

Сталин: Зато ты позволяешь себѣ с таким смаком **размазывать** эту блевотину, что я диву даюсь, как я все это выношу!

Радек (сконфуженный): Помилуйте, Іосиф Виссаріоныч, — я думал вам доставит удовольствие знать то, что о вас говорят!

Сталин: Слушать, как меня ругают?!.. Нѣт, брат, не хитри! — если уж кому пріятна эта подлая **критика**, то уж, конечно, тебѣ, а не мнѣ!

Радек: Вы меня обижаете, Іосиф Виссаріоныч! Я хотѣл угодить вам.

Сталин (усмѣхаясь): Смотри, Радек! Я не из тѣх, кто остается в долгу; и на твой анекдот отвѣчу своим. (Послѣ короткой паузы): Вот говорят, что есть только **один** способ зарабатывать **честно** деньги...

Радек (еле выждав секунду): Какой?

Сталин (искренне смѣясь): Я так и знал, что **этот** способ тебѣ не извѣстен!

Радек (смущенный): Простите, я... не сразу понял. Вы говорите, что...

Сталин (весело): ...что есть только **один** способ зарабатывать **честно** деньги. А ты спрашиваешь, какой? — значит, этот способ тебѣ неизвѣстен.

Радек (натянуто смѣется): Аа!.. вот в чем дѣло!.. Ну, что же, браво, браво, — поддѣли меня, нечѣм крыть!

Сталин: Видишь, — и я умѣю над людьми посмѣяться. Не ты один... А смѣется хорошо, кто смѣется послѣдним! Правильно?

Радек: Святая истина!

Сталин (протягивая ему руку, со смѣхом): Квиты?

Радек (пожимая его руку): Вполнѣ!

З а н а в ѣ с.

(Первый антракт).

КАРТИНА 3-ья

Небольшая химическая лабораторія при ОГПУ, в мѣстности, называемой «Шестые Горки». — Лабораторія оборудована по «послѣднему слову» 1936 года, примѣнительно к фармацевтическим надобностям.

Утреннее солнце весело отражается во всевозможных колбах, ретортах, кипятильниках, фильтрах, вытяжных «прикрытіях» и мѣдных чанах.

Налѣво, ближе к рампѣ, стол с телефоном, аптекарскими вѣсами, хронометром, календарем и письменными принадлежностями. За ним, у самой стѣны, удобное кожаное кресло; перед столом два

стула. — Направо, поодаль от рампы, экспериментальный стол, с лабораторной аппаратурой.

Прямо перед зрителем два высоких и широких окна, через которые открывается в отдалении плѣнительный вид на Кремль, в его утреннем сияніи.

Единственная дверь, на втором планѣ, справа, ведет в глухой коридор.

При поднятіи занавѣса у «экспериментального стола» стоят, склоненные над двумя полу-застекленными ящиками, Буланов, — личный секретарь Ягоды, — и помощник лаборанта. Первый из них бритый тип мускулистаго сложенія, но невзрачнаго вида, выглядит лѣтъ 40 с лишком; второй — подслѣповатый малый, лѣтъ 30-ти, в стальных очках, бѣлобрысый, прыщеватый и слегка нескладный. Оба одѣты в парусиновые рабочие халаты, имѣя на перевязи под подбородками противо-газовые маски довоеннаго образца.

Буланов просматривает запись, которую ему всучил, повидимому, помощник лаборанта.

Через два-три секунды слѣва входит неувѣренной, старческой походкой «знаменитый» доктор Левин, — старшій врач Кремля. Это «тряпичный интеллигент», старый, безпартійный, безвольный врач, «склонный к паникѣ», — как характеризовал Левина его защитник тов. Брауде, на процессѣ антисовѣтскаго блока.

Доктор Левин (здороваясь с Булановым и помощником лаборанта): Ну, как дѣла?

Буланов: Как нельзя лучше: и крысы, и морскія свинки подошли в прекрасном состояніи, т. е. — без корчей, без кровавой пѣны у рта и прочих нежелательных симптомов.

Д-р Левин (потирая руки): Отлично!.. А во сколько времени? (Открывает крышки ящиков и слегка отшатывается). Ух, какой дух... тяжелый!

Буланов (улыбаясь): Да уж насчет этого, доктор, не взыщите пожалуйста! — все время в «противогазах» работать пришлось... (Снимает свою маску и вѣшает ее на стѣну, давая тѣм примѣр помощнику лаборанта).

Д-р Левин: А в какое время животныя подошли?

Буланов (вытаскивая из одного из ящиков крысу за хвост): Крысы — через три часа, а морскія свинки ((показывает на другой ящик) нѣсколько позже. (Передает д-ру Левину запись, врученную ему помощником лаборанта).

Д-р Левин (просматривает запись): Так, так, так!.. И вы увѣрены, что животныя не дотрагивались до самого яда?

Буланов: Абсолютно!

Д-р Левин: Увѣрены, отравленіе произошло лишь чрез дыхательные органы?

Буланов: Ну, разумѣется! — раз тряпка с ядом подвѣшена под самой крышкой, как же животныя могли бы до нее добраться?

Д-р Левин (возвращая запись): Вы правы. Я спросил на всякій случай: — мало ли какія бывают упушенія.

Буланов: Ну, знаете, — Генрих Григорьевич на этот счет так строг, что «упушеній» у нас не бывает. И в самом дѣлѣ: — уж коли

приканчивать кого «келейным образом», так чтоб навёрняка и без малѣйших слѣдов!

Д-р Левин (протирая в смущеніи очки): Да, конечно!.. — в этом смыслѣ он сущій педант.

Буланов (поймав тревожный взгляд Левина на помощникѣ лаборанта, повертывается к тому круто и выговаривает): А вы что стоите, сложа руки? а?.. Пастеровскіе фильтры доставлены? Куда вы их дѣли?

Помощ. лаборанта: Какіе фильтры?

Буланов (передразнивая): «Какіе!» — Номер третій. Сходите вниз и наведите справку у дежурнаго.

Пом. лаборанта: В одну секунду! (бросается к двери).

Буланов (вразумительно): Не в одну секунду, а узнайте обстоятельно.

Пом. лабор.: Слушаюсь! (уходит).

Д-р Левин: Что это за фильтры, я забыл?

Буланов: Условный термин, чтобы кто лишній в комнатѣ, катился из нея колбасой.

Д-р Левин: Аа! я и забыл совсѣм.

Булан: Лаборант, понимаете ли, заболѣл, а этот замѣститель его... чорт знает, что у него на умѣ! (Входит Ягода; — в отличнѣйшем расположеніи духа).

Ягода: Здравствуйте, товарищи! (Здоровается с присутствующими). Погодка-то какая!.. прямо шик!.. (Левину, подходя к ящику с околѣвшими животными). Ну, что? Как насчет этой ртути, окисленной по вашему способу?

Д-р Левин: Прекрасные результаты! (Буланов вручает Ягодѣ «запись»).

Ягода (взглянув на «запись»): Великолѣпно! Надо теперь на человѣческом организмѣ испробовать! (Буланову): Кто там из «смертников» пободрѣ выглядит?.. ты сумѣешь выбрать?

Буланов: Не стоит, Генрих Григорьевич: лаборант наш, надышавшись, слег уж в постель; телефонил, что совсѣм ему худо, — еле пришел в себя.

Ягода (протирая руки): Ну, раз худо, значит хорошо!.. (Спохватившись), т. е., значит, мы нашли вѣрное средство. (Пожимая руку Левину). Крышка теперь «Кровавому Карлику»!.. (Прохаживается). Гробовая крышка «недреманному оку ГПУ!» Прощайте, уважаемый товарищ Ежов! (хохочет).

Д-р Левин (протирая в смущеніи очки): Очень рад, если вам угодили! — задача была не из легких...

Ягода: Я только попрошу вас, Лев Григорьевич, **самоу** понаблюдать, чтобы в кабинетѣ Ежова все ковры, значит, портьеры, мебель, сукно ан столѣ, занавѣси и прочія тряпки были бы промолены этой жидкостью «квантум сатис», как вы выражаетесь.

Д-р Левин: А я как раз хотѣл бы, чтобы «чаша сія» меня миновала. Одно появленіе мое у Ежова, который меня не долюбивает, зная мою преданность вам... (Оборачивается в сторону Буланова).

Ягода: Пустяки! — вѣдь имѣется в виду не теперешняя его квартира, а служебный кабинет, куда он еще не перебрался.

Д-р Левин: Все равно, знаете ли, я человек уже старый! — Одно отравление Горького и Менжинского расшатало уж мой организм и отравило мнѣ жизнь.

Ягода (смѣясь): Вот это ловко: отравляя других, самому отравляться. Анекдот да и только!.. («Смотрит на Буланова, вынимая часы»): Ничего спѣшного?

Буланов: Никак нѣтъ! Я пока вам не нужен?

Ягода: Сдѣлайте одолжение!

Буланов: Слушаюсь! (Уходит).

Д-р Левин: Ей Богу, Генрих Григорьевич, эти «медицинскія казни» — нѣчто исключительно тяжелое для непривычнаго человека!

Ягода: Ерунда! Как не стыдно распускать нюни!.. (Подходит к письменному столу).

Д-р Левин: Помилуйте, Генрих Григорьевич, нас, врачей старой школы, натаскивали, извиняюсь, чтобы лѣчить, а не для того, чтобы совершать обратное! и я, повторяю, просто к этому не привык!

Ягода (сѣв за стол, щурит глаза, обдавая доктора Левина презрѣніем): Не привыкли? К чему это вы не привыкли?.. к умерщвлению наших общих врагов?

Д-р Левин (бормочет): Ей Богу не привык!

Ягода (с жуткой издѣвкой): Получать от меня дачи в подарок — к этому вы привыкли? Дорогія вина, сигары, золотые портсигары — на это вас хватает? А когда надо расправиться с врагами народа, так оказывается, что вы к этому не привыкли?.. И это — послѣ убійства вами цѣлаго ряда наших партійных работников?..

Д-р Левин: Я это дѣлал, скрѣпя сердце... Чтоб вам быть удобным.

Ягода. Но не для меня же лично?! — Вы отлично знали, что я лишь рупор тѣх товарищей, которые задумали смѣнить, — в виду общаго недовольства, — вождей нашей партійной политики.

Д-р Левин: Простите, но развѣ Максим Горькій входил в число членов Политбюро?

Ягода: Нѣтъ, но... кто защищал больше всѣх идиотскую политику Сталина, как не Горькій?

Д-р Левин: «Идиотскую»?!

Ягода: А как же иначе назвать введеніе социализма в одной лишь странѣ? Эдак можно ввести социализм и в одном лишь уѣздѣ, а то и в одном закоулкѣ! Недаром Радек вспоминал, по этому поводу, Щедрина-Салтыкова и его помпадура, который вводил либерализм в одном только уѣздѣ.

Д-р Левин (мямлет): Да, но если Сталин и ошибался, то...

Ягода (договаривая): ...то не слѣд было Горькому его защищать! А вы знаете, каким вѣсом пользовалось мнѣніе этого стопроцентнаго «сталинца»! «Горькій сказал то-то», «Горькій полагает это», «Горькій находит то-то правильным, а это неправильным»... («Сплевывает желчно»): Тьфу, чорт возьми! — прямо папа римскій... А

Сталину только и нужно было, чтоб его защищал «непогрѣшимый» авторитет этого лицемѣра, будь он трижды проклят!

Д-р Левин (всплескивая руками): Как вы можете говорить так о Горьком, который прославил вас, как героя, за Бѣломорскій Канал!

Ягода: Плевать я хочу на вынужденные комплименты! — Горькій расточал их не мнѣ, а в угоду Сталину, когда тот прятался за меня, как ребенок за няньку. Но будьте покойнички! (Встает и прохаживается) вы приканчивали таких типов не мнѣ в угоду, а в угоду нашей порабощенной родинѣ, которой стало горько жить под протекторатом товарища Горькаго и которую такие люди, как Бухарин, Рыков и я, рѣшили освободить, наконец, от ея горькой доли.

Д-р Левин: Позвольте, однако, — а убійство сына Горькаго?

Ягода: Макса?

Д-р Левин: Да, — за женой котораго вы открыто ухаживали?.. (Ягода отмахивается с усталой улыбкой). А отравленье в больницѣ этого инженера Попова, — мужа вашей теперешней любовницы Зинаиды Авдѣевны?!.. Это тоже я совершил не ради вас, а ради нашей «порабощенной родины»?

Ягода (обозленный, взглянув на часы): Ну, если мы «каждое лыко» будем «ставить в строку», то эдак никогда не сговоримся!.. А между тѣм, время не терпит: — не сегодня-завтра Ежов переѣдет в новый кабинет и тогда... пиши пропало!

Помощник лаборанта (входя): «Пастеровскіе фильтры» еще не прибыли, так что...

Ягода: Чего вы врываетесь, как оголѣтый?!

Пом. лабор.: Так что «Пастеровскіе фильтры»...

Ягода: Слышал! — Пойдите и протелефоньте в главное депо, на Мясницкую: «когда, мол?..» (Увидѣв, что помощник лаборанта направляется к телефону, находящемуся на столѣ): Куда вы, чорт вас дерит? — это телефон, особаго назначенія! Подымитесь в канцелярію!.. (Тот убѣгает. — Доктору Левину, подойдя к нему вплотную) — Дѣло в слѣдующем: — Ежов с баснословной быстротой усваивает всѣ особенности работы нашего Управленія Государственной Безопасности, и у меня нѣтъ никакой увѣренности, что этот «Кровавый Жарлик» не раскрыл уже всѣ нити заговора против Сталина. Тогда и вам, и мнѣ — гробовая крышка!

Д-р Левин: Типун вам на язык!

Ягода: Да уж будьте покойнички! А потому не кочевряжьтесь и дѣлайте, что вам приказывают! Я хочу, чтоб отравленіе имѣло мѣсто по всѣм правилам науки! А вы — ученая башка и я перед ней преклоняюсь!

Д-р Левин: Но мои нервы могут не выдержать. Мнѣ 67-й год...

Ягода (мѣняя тон): Смотрите, как бы мои нервы не невыдержали... потому, что, если вы отступите перед этим убійством, — я сумѣю вам придумать такую кончину, что Малюта Скуратов содрогнется в гробу!

Д-р Левин: Но, если это свыше моих сил?

Ягода: Чушь!.. Горькаго не побоялись отправить на тот свѣт, а Ежова — испугались?! Да?! Испугались больше, чѣм меня, кото-

рому стоит свистнуть и от вас останется лишь вонючая слякоть... (Раздается «условный» стук в дверь). Войдите!

Буланов (входя): Приехала гражданка Декурсель, — по вашему личному вызову.

Ягода (обрадовавшись): А-а, знаю! — Из-за таможенной волокиты... Зовите ее сюда... Правда, — прехорошенькая?

Буланов (ослабившись): И даже очень.

Ягода: У тебя «губа не дура». (Остановившая его движение к двери). Подожди! (Доктору Левину): Вот кстати на ком хорошо бы испытать сейчас «Веритофор» этот самый... Вы изучили его дозировку?

Д-р Левин (в недоумѣнии): «Веритофор»?

Ягода: «Ну-да! — «элексир откровенности», который изобрѣл Давид Сурок. (Буланову): Вскипяти-ка шприц поскорѣе.

Д-р Левин (сообразив): А-а — Веритофор!»! (посмѣиваясь) от слова «veritas», что значит «истина»?.. (Буланов, отойдя к «экспериментальному столику», зажигает под резервуарчиком с водой спиртовую лампочку и кладет в воду шприц).

Ягода (в нетерпѣнии): Какая доза нужна для здороваго организма?

Д-р Левин: Чтобы развязать ему язык? Гм... пол-шприца — для пораженія «задерживающих центров»; цѣлый шприц — для максимальной экспансии... (Достаёт с полки небольшой флакон). Я конденсировал жидкость, как вы того желали, и эффект достигается теперь в двѣ минуты. (Передает флакон Ягодѣ).

Ягода: А его длительность?

Д-р Левин: Гм... минут десять не больше.

Ягода (потирая руки): Превосходно... (Буланову): Позови сюда гражданку Декурсель. (Буланов уходит. — Доктору Левину): А вы посидите пока в библиотечкѣ и обмозгуйте, что я говорил вам насчет Ежова. Подумайте только, как вздохнем мы свободно, коль скоро это «дерьмо в травѣ» не будет лежать на нашей дорогѣ!

Д-р Левин (жалобным тоном): Но я же изготовил нужный яд! и что еще вам требуется? Неужели без меня нельзя обрызгать им квартиру Ежова?

Ягода (шипит): А если он не насытится до-смерти этим ядом? а? не околѣет, скотина? Что тогда? Так и примириться с существованіем сволочи, от которой зависит наше собственное существованіе?!.. (Стук в дверь. — Тихо). Подождите меня там пока, а потом мы обсудим, что дѣлать. Рѣчь идет о жизни и смерти не комиссара Ежова, а нас самих! Поняли? (Садится за письменный стол, крикнув в сторону двери): Кто там? Войдите. (Входит Буланов, уступая мѣсто Варварѣ Декурсель, скромно, но элегантно одѣтой. — Доктор Левин «бочком» пробирается к двери). — А-а! Варвара Авдѣевна? Очень рад вас видѣть!.. Присаживайтесь! (Указывает на стул перед своим столом. — Доктор Левин исчезает почти на цыпочках, прикрыв за собой дверь — Буланов возвращается к оставленному им кипятивнику со шприцем).

Варвара (садясь на указанный ей стул): Куда я попала, простите? Меня вызвали по поводу таможенных придирок... из-за нѣ-

которых книг, которыя я везла сестрѣ из Парижа... А здѣсь — ка-кая-то «лабораторія», если не ошибаюсь?

Ягода: Совершенно вѣрно: лабораторія при ОГПУ. — Не хотѣл вас звать на Лубянку, чтоб не дѣлать лишняго шума. К тому же у меня тут срочное изслѣдованіе одной эмульсіи.

Варвара (свѣтским тоном): Ради Бога, не оправдывайтесь: — я знаю, как вы заняты!

Ягода (почти смѣясь): Хм... «оправдываться» придется вам, а не мнѣ, дорогая! потому что среди книг у вас нашли прокламацію, которую вы, повидимому, собирались распространить!.. (Достает из ящика стола папку, а из нея печатную «ллетучку»).

Варвара (вспыхнув): «Прокламацію»?!.. Никакой «прокламаціи» у меня не было! Это мнѣ, очевидно, подсунули!..

Ягода (иронически): «Подсунули»? Чтобы погубить вас, конечно, «здорово живешь» и за то получить одобреніе начальства?

Варвара: Возможно!

Ягода: Нѣт, гражданка, — у чинов ГПУ слишком мало времени, чтобы тратить его на пустяки! И дѣло представляется совсѣм в другом свѣтѣ, если имѣть в виду, что вы иностранная подданная и что муж ваш — общественный дѣятель, враждебный «Народному Фронту», которому мы покровительствуем как во Франціи, так и в Испаніи... (Читает «прокламацію»): «Многомилліонное крестьянство получило от совѣтской власти только нищету, голод и рабскую зависимость от колхознаго начальства. — Рабочіе стоят в очередях за насущным куском хлѣба и подпирают стѣны бирж труда в ожиданіи, когда смилуется коммунистическое начальство и примет их на работу». (С усмѣшкой). И так далѣе, в том же духѣ?.. (Смотря в упор на Варвару): Вам этот текст не знаком? Вы с ним впервые встрѣчаесться?

Варвара: Повторяю — никакой «прокламаціи» у меня не было! и я вообще такими вещами не занимаюсь!

Ягода (с убійственной ироніей): В самом дѣлѣ?!.. И вы ничего не болтали, в духѣ этой прокламаціи, о нашем государственном строѣ?!.. о Сталинѣ?!.. о том же ГПУ, в лабораторіи котораго вы находитесь?

Варвара (овладѣв собой): Я вообще не привыкла «болтать», как вы выражаетесь!

Ягода (зовет): Товарищ Буланов, на одну минуту! (Буланов подходит к столу. Ягода строчит на своем блок-нотѣ нѣсколько слов и, вырвав листок, передает его Буланову): Приведите сюда эту особу.

Буланов: Слушаюсь! (уходит).

Ягода: Если вы будете так огульно критиковать всѣ порядки в Совѣтском Союзѣ, — могут быть непріятности не только для вас, но и для вашей сестры, а равно и для меня, связаннаго с ней дружбой!

Варвара: За себя мнѣ не страшно: — я иностранная подданная! А что касается Зины...

Ягода (перебивая): Никакой посол не спасет вас, если я засажу вас в подвал за... шпіонство!

Варвара: За «шпіонство»?!

Ягода: Да-с! Удивлены?!.. А между тѣм, к тому имѣются достаточныя основанія! Вы, надѣюсь, понимаете, чѣм это пахнет? А потому будем лучше друзьями!

Варвара (слегка насмѣшливо): Но что вы понимаете под «дружбой»?

Ягода: Прежде всего откровенность! Полную откровенность друг с другом. А не скрытничанье, к которому вы прибѣгаете!

Варвара: Но что же я скрываю от вас?!.. И за что вы меня преслѣдуете?

Ягода (смѣясь): Я же предупредил вас с самаго начала, что буду вас «преслѣдовать»!

Варвара: Вы очень мило шутите! Но... серьезно, — неужели надо все, без разбора, хвалить в совѣтском режимѣ?

Ягода: О, к этому вас никто не обязывает!.. Но кричать, что Россіей правят жида, разрушающіе церкви во славу іудейской націи... это значит натравливать темныя массы против славнѣйших вождей СССР!

Варвара: Но вы сами, я слыхала, ведете борьбу с этими вождями, как и дядя Бухарин, Рыков и другіе.

Ягода: То особѣ статья! — мы боремся с узурпаторами совѣтской власти, а не с настоящими вождями пролетаріата! (Раздается стук в дверь): Войдите. (Входит Буланов и слѣдом за ним Захаровна — нянька в домѣ Поповой).

Варвара (завидѣв Захаровну): Няня! какими судьбами?!.. А я хватилась утром: гдѣ вы? — думала: вы в церковь отпросились у Зины.

Няня (махнув рукой): Какое там церковь! — Я «отмѣчаться» в ГПУ хожу! — поднадзорная вѣдь я, из концлагеря!

Варвара: Ах, вот оно что? — «отмѣчаться»!

Няня: Раньше на Лубянку все ходила, а сегодня почему-то сюда. (Буланов вновь возвращается к экспериментальному столу, гдѣ кипятится шприц).

Ягода (ей): Скажите, нянюшка, — мы тут спорим с Варварой Авдѣвной, — правильно ли она дѣлает, что бранит совѣтскій режим на всѣх перекрестках?

Няня (с обезоруживающей простотой): Ну, а как же его не бранить!.. И за дѣло, Генрих Григорьевич. Потому что какой же это «режим»? — самый прижимистый, как вы знаете. Не режим, можно сказать, а прижим. И весь народ стонет от такого прижима! (Общій смѣх).

Ягода: Ну, а к евреям, как она относится? (Кивает в сторону Варвары).

Няня: Варвара Авдѣвна?.. А вовсе никак: она же не яврейка.

Ягода: Я знаю... но как она к ним относится?

Няня: А вовсе не относится: — она же православная и относится к православным, а не к евреям.

Ягода: Вѣрно; но интересно, что она о евреях толкует и в частности обо мнѣ?

Няня: О евреях, как вы знаете, ничего хорошаго не скажешь, раз они не крещены!.. А вот насчет вас самих, так это вы сами

извольте спросить их. Потому как сердце женское — кто его разгадает? (Общій смѣх).

Ягода (развеселившись): Ну, а все-таки, что она говорила обо мнѣ со своей сестрицей?

Няня: А смѣялась над вами, — вот как вы надо мною. Говорила: ни за что на свѣтѣ с таким хахалем не сошлась бы полюбовно; и что будто вы палач, извиняюсь, а она палачей, так сказать, не долюбивает.

Ягода (смѣясь, — в сторону Варвары): Ах, вот как? (Няня): Палачи ей, стало быть, не по вкусу?.. Так и запишем!

Няня: Уж я, как хвалила вас за ангельское сердце!.. за то, что меня из концлагеря выпустили! а Варвара Авдѣевна все на своем стоит: палач, мол, и весь режим теперь на Руси каторжный, пропади он совсѣм!

Ягода (вздыхнув): Ну, спасибо, нянюшка, за правдивое слово!.. Поѣзжайте себѣ домой — больше мнѣ от вас ничего сегодня не нужно.

Няня (кланяясь): Бывайте здоровеньки, Генрих Григорьевич! не оставьте меня, грѣшную, своими милостями! (Варварѣ): Досвиданья, Варвара Авдѣевна! не задержитесь здѣсь, не то к завтраку опоздаете!.. (Уходит под общій смѣх).

Ягода (Варварѣ): Ну, и скрытная же вы барынька, Варвара Авдѣевна! — не ожидал от вас. До чего наружность обманчива. А мы здѣсь как раз любим тѣх, чья душа на-распашку, кто довѣрчив к нам, как ребенок, и ничегошеньки не таит от нас.

Варвара (в замѣшательствѣ): Но... я так мало вас знаю!..

Ягода: Это не оправданье! — вы смѣшиваете свѣтскій разговор с... допросом. А это двѣ большія разницы, как говорят в Одессѣ... И так как вы **намѣренно** были неискренни в своих показаніях, то разрѣшите, — во искупленье вины, — испытать на вас одно средство, дающее... кураж говорить правду?

Варвара (блѣднѣя): А... что именно?.. Какая-нибудь пытка вашего сочиненія?

Ягода (почти смѣясь): О, нѣт! — кто говорит о «пытках» в наше просвѣщенное время... (Встряхивает флакон «Веритофора», который он поставил на письменном столѣ). Это просто особая инъекція, именуемая «Веритофор». (Встает).

Варвара (еле владѣя своей ироніей): А вы так нуждаетесь в моем разрѣшеніи?!.. (Встает, слегка отшатываясь от Ягоды, в момент, когда Буланов оказывается у нея за спиной).

Ягода (схватив ея руки словно клещами): Нѣт, но, как джентльмен, я предпочитаю прикасаться к дамам с их разрѣшенія!

Варвара (морщась, пытается высвободить свои руки из рук Ягоды): Мнѣ больно! Пустите!

Ягода (дѣлает знак Буланову, который мгновенно достает из кармана поручни, какими современная полиція «парализует» движенья преступников): Не надо нервничать, Варвара Авдѣевна! это ни к чему не приведет!.. (Буланов быстро и ловко надѣвает ей поручни на запястья, послѣ чего Ягода отпускает ея руки и, с рассчитанным

на эффект хладнокровіем, берет шприц с «экспериментального стола»).

Варвара (растерянно): Я не понимаю, это шутка с вашей стороны, или...

Помощник лаборанта (вбѣгает, слегка «упарившись»): Пастеровскіе фильтры могут быть доставлены сюда только в 6 часов.

Ягода (ему, грубо-угрожающе): А тебя доставят на Лубянку еще раньше, если будешь врываться сюда, не постучав! (Наполняет шприц жидкостью «Веритофора»).

Буланов (пом. лаборанта): Съѣздите в депо, на Мясницкую! Слышите? Здѣсь и без вас обойдутся!

Пом. лабор. (заикаясь): На Мясницкую?.. Слушаюсь! (Исчезает. Буланов запирает за ним дверь на ключ).

Ягода (Буланову): Пособите мнѣ! (Тот подбѣгает и засучивает Варварѣ рукав).

Варвара (возмущенная): Но, вѣдь, это же неслыханное насилие!.. И по какому праву?!.. Как вы смѣете?!..

Ягода (холодно чеканя слова): По долгу службы, сударыня! И чины государственной безопасности, — да будет вам извѣстно, — не считаются с буржуазными предрасудками!.. (Вонзает ей в руку шприц, тогда как Буланов держит ее за руку).

Варвара (вскрикивает): Ай!..

Ягода: Больно?.. Ну и притворщица же вы в таком случаѣ!.. (Варвара, подняв в возмущеніи плечи, отходит к окнам и уныло смотрит на Кремлевскій пейзаж, разстилающійся вдаль. — Ягода ворчит, обернувшись к Буланову): Как бы этот болван не напутал чего на Мясницкой? Быть может вы лично протелефонируете насчет этих самых Пастеровских фильтров?

Буланов (еле сдерживая улыбку): Рад служить!.. (Уходит. Издали доносится Кремлевскій бой часов, возвѣщающій полдень. — Ягода подходит к Варварѣ и пытается обнять ее).

Варвара (уклоняясь от его прикосновеній): Зачѣм вы все это... затѣяли?

Ягода: Неужели вы не понимаете, как вы мнѣ нравитесь?

Варвара: Так это что же?.. (показывает на свои руки в поручниках) — ухаживанье с вашей стороны?

Ягода (посмѣиваясь): Каждый ухаживает по-своему. Мнѣ дано ухаживать по-чекистски. Берите меня, каков я есть!

Варвара: Благодарю покорно, но... во-первых я замужем.

Ягода: Знаю! — вашему мужу 53 года.

Варвара: ... а, во-вторых, будь я даже дѣвушкой, и тогда бы...

Ягода: ...не снизошли до чекиста?.. Это вы хотите сказать?

Варвара: Приблизительно!

Ягода: А почему, разрѣшите спросить?

Варвара: А потому, что чекист это тот же палач, и еще хуже, может быть.

Ягода: Вы так думаете?

Варвара: А какая разница? — почти неразличимая!

Ягода (смѣясь): Спасибо за откровенность! — люблю откровенность и ненавижу лицемерье, налагаемое на нас воспитаніем, по-

литическими расчетами, эгоистическими соображениями! (Взглянув на часы): Этот «Веритофор» должен бы уже проявить свое дѣйствие!.. Будьте же откровенны со мной до конца. Не бойтесь быть искренней!

Варвара (вызывающе): Я ничего не боюсь!

Ягода: Вот храбрая! Обожаю таких! (Подойдя к ящику с крысами): И крыс не боитесь? (Вытаскивает за хвост околѣвшую крысу и раскачивает ее перед носом Варвары): Не боитесь крыс? (Варвара истерически взвизгивает и начинает громко плакать, отвернувшись к окну. — Ягода бросает крысу в ящик). Вот так храбрая!.. Ай-ай-ай, как у вас нервы расшатаны! Плачет, будто ее ни въсть как обидѣли!

Варвара: Пустите меня домой! Слышите?.. Освободите мои руки! сейчас же!.. Я свободная гражданка Франціи, а не совѣтская раба!.. Что за низость измываться над беззащитной женщиной!

Ягода: Ого, каким тоном заговорила!.. ((Смотрит на часы): Вот когда «Веритофор» начал дѣйствовать!

Варвара: Пустите меня! И немедленно!.. (Беззвучно рыдает). (Послѣднія слова перебивает звонок телефона).

Ягода (взяв трубку): Алло!.. А, это ты, Брик? Здравствуй, Осип. Что?.. Не можешь допросить архіерея Завадскаго?.. А почему? Перегрѣли бѣднягу в раскаленной камерѣ? Вот ослы!.. Ты откуда говоришь? С Лубянки?.. О чем они думают?.. «Заставь дурака Богу молиться, — он себѣ лоб прошибет!» — Вот именно! а еще называется «пастырь»! Глупо жалѣть таких гадов! — и к тому же он «тихоновец», а не «живоцерковник»... (Хочет). Правильно!.. послѣ скипидарной клизмы он совсѣм другое запоет, — будьте покойнички!.. Не то пригрози, коли будет упорствовать, что крест ему на груди вырѣжешь и тѣм мясом фокстерьера своего накормишь. Кстати, как поживает собачка?.. все прихрамывает?.. Бѣдняжка!.. Ну, пока!.. Кланяйся супругѣ. (Вѣшает трубку телефона).

Варвара (стиснув зубы, — в нервном трансѣ): Гм... Каиново отродье! Ну, подожди же, «каторжная шпана!» — «отольются кошкѣ мышинья слезки»!.. Не просите тогда пошады, господа коммунисты. Русскій народ долготерпѣлив, но когда наступает час мести, — он мстит так, что весь мір содрагается. Подождите, — он отомстит вам сторицей за миллионы умученных вами, убитых, искалѣченных, униженных, наложивших на себя руки с отчаянія!.. Не взывайте тогда к міровой справедливости, стоящей на стражѣ культуры! Вы показали наглядно, что такое «культура», в пониманіи коммунистической партіи, что такое партійный суд над инакомыслящими, что значат ваши лозунги «долой смертную казнь», «долой войну», «эксплоатацію рабочих» и тому подобныя обѣщанія! Вы сами подали примѣр, как обращаться со своими врагами! И повѣрте — ваш урок безопасности не пройдет для нас даром, когда пробѣт час расплаты за ваши неслыханныя злодѣянія! Берегись тогда, Каиново отродье! Тебя истребят до послѣдняго отпрыска, слышишь? До послѣдняго из послѣдних!

Ягода (тоном радостнаго удовлетворенія): Ну, вот, наконец-то настоящія слова русской эмиграціи, которая ничему не научилась

за эти 20 лѣтъ и все еще продолжает питаться иллюзіями! Вот они, — я их ждал, — злые помыслы неисправимаго русскаго зарубежья!.. Знакомая музыка, столь знакомая, что понавязла в ушах у чинов ГПУ!.. Не сомнѣваюсь теперь в вашей искренности, дорогая, и от души благодарю за чистосердечное признаніе!.. Оно меня не удивило, повторяю! — Нам давно уже извѣстна та отъявленная чепуха, какой питаются заграницей русскіе бѣженцы. — Мы даже заготовили трафаретный бланк для подобнаго рода признаній во враждебном отношеніи к совѣтской власти. Вот (берет бланк с письменнаго стола и показывает его Варварѣ), не угодно ли его потом подписать? Сообщите вы, что-либо другое, — я усумнился бы в вашей искренности. А мнѣ она как раз нужна сейчас, чтобы использовать ее в совершенно другом направленіи. (Садится за стол и приглашает сѣсть напротив Варвару). Милости просим! — Скажите пожалуйста!.. — вы лучше знаете свою сестрицу, — могу ли я ей довѣриться и вообще быть в ней увѣренным, как в самом себѣ?.. Для меня это важный вопрос, в настоящее время, когда кругом — сплошь измѣна и предательство.

Варвара (садясь в изнеможеніи напротив него и протягивая ему свои руки): Прежде всего снимите с меня эти... кандалы!

Ягода (галантно): Простите, я и забыл совѣм! (Торопится разомкнуть на ней поручни, заглядывая ей в глаза): У вас уже... реакція? Вы успокоились?

Варвара (сбрасывая поручни): Вы могли бы раньше об этом вспомнить.

Ягода (улыбаясь): Э-э, нѣтъ, простите: — при том состояніи, в каком вы находились, мѣры предосторожности отнюдь не лишни.

Варвара: Какая трусость!

Ягода: Страховка — не болѣе!.. (Подсовывает ей бланк): Вот, подпишите, пожалуйста!

Варвара (почти автоматически подписывая бланк): Вы спрашиваете насчет Зинаиды?.. (Возвращает Ягодѣ бланк).

Ягода (пряча бланк в боковой карман): Да, — могу ли я не сомнѣваться в ея единомыслии со мной?

Варвара: Она так подпала под ваше вліяніе, что... смотрит, мнѣ кажется, на все уже вашими глазами, а потому...

Ягода (перебивая): Она не способна предать меня? Как вы думаете?

Варвара: «Предать»? С какой стати?..

Ягода: Ну, скажем из ревности!

Варвара: К кому?.. Вы ей измѣняете?

Ягода: «К кому»? — Допустим, к вам.

Варвара (с усмѣшкой): Но... между нами — ничего общаго.

Ягода: А если б мы сблизились?.. (Варвара с возмущеніем пожимает плечами). Как бы отнеслась к этому Зинаида?

Варвара (вспыхнув): Ну, как может отнестись порядочная женщина к подобной низости?

Ягода: Она так меня любит?

Варвара: Не знаю, любит ли! Знаю, что дорожит вами ради сына, котораго дѣйствительно любит больше всего на свѣтѣ.

Ягода: ... и для котораго ищет опоры во мнѣ? Не так ли?.. А

если так, — несомненно, что она, ради сына и чтоб не лишиться меня, как «опоры», перенесет **без протеста** мое увлечение вами.

Варвара: «Увлеченье» — да! Но не больше.

Ягода (улыбаясь): Не будем «загадывать» раньше времени. (Достаёт из ящика стола футляр с драгоценным браслетом).

Варвара: Напрасно надѣетесь!.. Я вообще не понимаю, как вы можете гнаться за женщиной, которая вас так презирает, как я!

Ягода (похотливо смѣется): Вот это-то меня и подзадоривает. Развѣ вы не знаете, что тѣм больше нас ненавидят враги, — тѣм сильнѣе у нас желаніе покорить их!.. (Преподносит Варварѣ драгоценный браслет). Не хотите ли на память о... кандалах, как вы изволили выразиться.

Варвара: О, если **этим** вы хотите меня «покорить», то жестоко ошибаетесь! (Отворачивается от него).

Ягода (пряча браслет): Ну что ж, — подарю браслет Зинаидѣ, авось не откажется!

Варвара (вынув из сумочки флакон с нюхательной солью): Что это за снадобье вы в меня впрыснули?.. (Нюхает соль). Такое впечатлѣніе, будто я была во хмелю или... угорѣла... Я кажется наговорила вам много лишняго?

Ягода (галантно): Нѣтъ, нѣтъ, — ничего «лишняго»! Наоборот, как раз то, что мнѣ было надо.

Варвара (свѣтски): Сожалѣю, если вас обидѣла, но... у меня такой вспылчивый характер!..

Ягода (встает): Вам не приходится извиняться! К тому же... развѣ можно на вас сердиться? — Вы такое очаровательное существо.

Варвара (встает): Мерси за комплимент!.. Я больше не нужна вам?

Ягода: Нѣтъ, нѣтъ! — располагайте собою, как хотите... (Смотрит на часы). Вы еще поспѣете к завтраку: — я велю подать вам мою машину.

Варвара: Вы очень любезны. Спасибо! (Протягивает ему руку).

Ягода (цѣлуя ей руку): Досвиданья! Кланяйтесь Зинѣ и скажите ей, что таможенное недоразумѣніе будет улажено... А об остальном... (Прикладывает палец к губам). Молчок! Хорошо?

Варвара (почти кокетливо): А если я ей все расскажу?

Ягода (вынимает из кармана подписанный Варварою бланк и церемонно расшаркивается): Тогда я вспомню об этом признаньи, что вы подписали, и вам не видать уже больше ни сестры, ни Паррижа, ни мужа.

Варвара (натягивая перчатки, пытается отшутиться): Я вижу, — вы и впрямь **опасный** Дон-Жуан! Надо это принять к свѣдѣнію... (Оба смѣются самым свѣтским образом).

Ягода: Примите, прошу вас! — Я буду польщен!

Варвара (продолжая смѣяться): Ничего другого не остается... (Он снова цѣлует ей руку и провожает ее до двери).

Ягода (как только ушла Варвара, подходит к телефону и сни-

мает трубку): Квартиру Поповой!.. (Пауза): Это ты, Зина? Здравствуй! Только что ушла твоя сестра... Я, конечно, улажу таможенное недоразумѣніе с ея книгами! Но... сдѣлаю это только ради тебя, потому что Варвара Авдѣевна уж слишком афиширует свое вольнодумство. Так нельзя! Внуши ей, что это не ко времени и что, не будь я твой друг, не миновать ей Лубянки... Кстати, — «лирическое отступление», — ты разрѣшила мнѣ пофлиртовать с твоей сестренкой, а она сдуру боится стать «разлучницей» между мной и тобой... словно ты мѣшанка и не раздѣляешь взгляда на ревность, как на буржуазный предрасудок!.. Скажи ей, дорогая, что «не так страшен чорт, как его малюют» и что лучше дружить с такими людьми, как я, чѣм пренебрегать их «авансами»!.. Что?.. Я не слышу, что ты говоришь!.. «Сводня»?.. Причем тут «сводня»? И вообще, кто говорит о «сводничествѣ»?.. Я просто прошу объяснить ей, как ты смотришь на эти вещи, чтоб успокоить ея совѣсть. Вот и все... (Пауза). Ну, это глупо с твоей стороны... Значит, ты меня вовсе не любишь и тебѣ наплевать на мои желанья?.. (Пауза). Ну чего ты плачешь? Никогда я тебя не брошу! И ты прекрасно это знаешь, оттого, что нас связывает наш ребенок, котораго я не менѣ люблю, чѣм тебя!.. Ну так о чем же говорить тогда?.. А что я не безгрѣшен, — это я и сам знаю. Оттого-то и прошу к себѣ снисхожденія... (Пауза). Ну, ладно! — об этом мы потом побесѣдуем... Цѣлую тебя крѣпко!.. Обѣщанный браслет получишь в день Октябрин нашего Крошки. Довольна?.. Всѣ лопнут от зависти! Не забудь только... насчет сестрицы... Вот-вот! — чтобы не фордыбачила. А то у меня и без нея «забот полон рот!» — Ты должна меня пожалѣть... Ну, пока! — До скорого!.. (Вѣшает трубку; тотчас же раздается стук в дверь). Войдите!

Буланов (просовывая голову в полу-раскрытую дверь): Доктор Левин торопится в Кремль: — у товарища Кагановича с «давленіем крови» неважно; так что...

Ягода: Я его не задерживаю.

Буланов: Слушаюсь! (Обернувшись): Да вот и он сам! (Пропускает в лабораторію доктора Левина и скрывается, прикрыв за собою дверь).

Ягода (д-ру Левину): Ну, что... как?.. обдумали насчет Ежова?.. Согласны с моей директивой?.. Для колебаній нѣтъ больше времени. — «Пан или пропал»!

Д-р Левин (выдавливая из себя слова): Я... согласен, но... при одном лишь условіи: если вы возьмете это убійство на свою совѣсть!.. (Снимает очки и дрожащими руками протирает платком их стекла).

Ягода (резвеселившись): Что?.. «Совѣсть»?!.. (Обшаривая свои карманы): А гдѣ эта «совѣсть» находится, позвольте спросить?.. Вот вы анатом, физиолог и вообще ученая башка... Когда вы дѣлали вскрытія трупов, гдѣ вы видѣли эту самую «совѣсть», гдѣ, скажите пожалуйста?.. Ага! — Молчите?!.. Так не будем же болтать о том, чего никто не видѣл и что, если и существует, то только в воображеніи!

КАРТИНА 4-я

На квартирѣ Зинаиды Поповой, — в день празднованія «Октябрин». (То же мѣсто дѣйствія, что и в 1-ой картинѣ).

Направо от средней двери, у самой стѣны, стоит стол, под красным «парадным» сукном, с совѣтской эмблемой, вышитой золотом. На стѣнѣ, над столом, висит портрет Сталина.

За столом, на «предсѣдательском мѣстѣ», сидит прифрантившійся Буланов, имѣя по правую руку Бухарина, а по лѣвую — Зинаиду Попову; послѣдняя держит на руках ребенка, завернутаго в пунцовое атласное одѣяльце и покоющагося на подушкѣ, обшитой рядами великолѣпных кружев. Остальныя мѣста за столом заняты представителями РКП и Комсомола.

Приглашенные гости, — среди коих видные военные, сослуживцы Ягоды, и артисты, сослуживцы Зинаиды Поповой, — размѣстились против «предсѣдательскаго» стола и, частью, сбоку, у средних дверей. Нѣкоторые из них держат в руках большіе букеты, знамена с совѣтскими лозунгами и подарки виновнику «красных крестин».

Наиближайшія мѣста к рампѣ и, заодно, к «предсѣдательскому» столу заняли Ягода, Рыков, Радек и около послѣдняго Варвара, которой он урывками и втихомолку дает объясненія касательно происходящаго обряда.

При поднятіи занавѣса всѣ присутствующіе допѣвают, стоя, полѣдній припѣв «Интернаціонала», под бравурный аккомпанимент на роялѣ одного из присутствующих артистов и усаживаются на сученной рядами мебели.

Буланов (развернув руло актовой бумаги, обращается ко всѣм в обычном тонѣ профессиональнаго совѣтскаго оратора): Открывая засѣданіе президіума общаго собранія Коллектива РКП и Комсомола балетной труппы нашего Академическаго Театра, при участіи делегатов от шефов НКВД и НКГБ — объявляю, что сегодняшнія «Октябрины» организуются по инициативѣ Зинаиды Авдѣевны Поповой, — матери виновника сегодняшняго торжества, и Николая Ивановича Бухарина! (Раздаются неувѣренные аплодисменты). Считаю нужным отмѣтить, что заявленіе в Коллектив об «Октябринах» исходит от Зинаиды Авдѣевны, — кандидатки в нашу РКП, — и имѣет в виду годовалаго младенца мужскаго пола, единственнаго сына своей матери-вдовы. Предлагаю поэтому привѣтствовать инициативу нашей уважаемой кандидатки, которая тѣм самым дала мѣсто гражданскому акту **анти-религіознаго** характера!.. (Дружные аплодисменты всѣх присутствующих, за которые Зинаида благодарит собраніе поклонами и радостными кивками головы). Предоставляю слово почтенной родительницѣ, от которой мы ждем сообщенія имени, какое ей желательно дать своему сыну!

Зинаида (встает и, поцѣловав ребенка, говорит нѣсколько приподнятым тоном актрисы): Много чудесных имен предстало в моей памяти, когда я задумалась, какое выбрать, среди них, для моего

сына!.. Подумать только: вѣдь он будет носить это имя цѣлую жизнь, — а если отличится на трудовом поприщѣ, то оставит об этом имени память на многіе годы!.. (Патетически): Я посвятила всѣ силы свои и умѣнье, все старанье свое и любовь вот этому маленькому человѣчку и, конечно, хочу, чтобы он стал носителем самага свѣтлаго, звучнаго и знаменательнаго имени нашей великой эпохи. Кто станет спорить, что самое славное среди них — **имя**, которое носит наш геніальный «Отец Народов»!

Рука твоя, Сталин, нас в битву вела,
Мысль твоя, Сталин, побѣду дала,
Смотришь ты, Сталин, зорче орла,
Страна с тобой расцвѣла!

Имя этого наслѣдника Ленина, — имя **Іосифа**, под чьим водительством «наша страна расцвѣла», я и хочу, в порывѣ материнской гордости, дать своему единственному сыну. (Громкіе аплодисменты присутствующих покрывают слова Зинаиды, которая нѣсколько аффективно цѣлует своего сына и высоко поднимает его, как бы красуясь им перед собраніем).

Буланов (встает и обращается к засѣдающим представителям РКП и Комсомола, передавая им актовую бумагу для подписи): Если члены Коллектива РКП и Комсомола не имѣют возраженій, я прошу их утвердить, согласно церемоніалу «Октябрин», имя Іосифа за сыном товарища Зинаиды Поповой, — кандидатки нашей РКП! (Члены коллектива, в том числѣ и Бухарин, подписывают один за другим актовую бумагу). Слово принадлежит представителю юных пионеров!.. (К «предсѣдательскому» столу продвигается миловидный мальчик, лѣтъ 10-ти, держа в одной рукѣ красный флажок, со значком пионерскаго отряда, а в другой — такой же ярко-красный галстук пионеров, каким он украшен и сам).

Представитель юных пионеров (слегка волнуясь, произносит свою рѣчь, как заученный урок): Мои товарищи-пионеры, из балетной студіи нашего Академическаго Театра, привѣтствуют от всего сердца новорожденнаго и включают его в свои революціонные ряды! В знак нашего товарищескаго отношенія, мы вручаем ему сегодня форменный галстук. Надѣюсь, что самый юный из пионеров будет с честью носить его, подобно своим старшим товарищам!.. (Преподносит, под аплодисменты, красный галстук Зинаидѣ, которая в отвѣтъ протягивает ему благодарственно руку и возвращается на свое мѣсто).

Помощник лаборанта (принаряженный и с прилизанными волосами, красный от волненія и даже как будто в испаринѣ, подходит к столу, держа в руках книгу-подарок): РЛКСМ моей части уполномочил меня заявить здѣсь торжественно о своем рѣшеніи принять шефство над малолѣтним гражданином Іосифом и взять на себя отвѣтственность за его культурное, политическое и боевое воспитаніе. В залог этого, наш Коллектив Комсомола заранѣе преподносит своему юному товарищу «Азбуку коммунизма» Николая Ивановича Бухарина, по которой десятки миллионов совѣтских граждан выучи-

лись правильно мыслить о политическом строе СССР! (Передаёт книгу Зинаидѣ Поповой и, прерывая начавшіяся было аплодисменты, возвышает голос): Пользуюсь случаем, чтобы лишній раз привѣтствовать присутствующаго здѣсь автора «Азбуки», как авторитетнѣйшаго учителя марксизма, ленинизма и сталинизма!.. (Бурные аплодисменты. Многіе встают и устраивают овацію Бухарину. Послѣдній вынужденно встает и, с блѣдной улыбкой, раскланивается).

Буланов (передавая Зинаидѣ актовую бумагу, подписанную, к этому времени, членами президіума, заявляет): Имя **Іосифа** принято президіумом, как максимально-знаменательное имя, и отнынѣ присваивается, на всю жизнь, виновнику сегодняшняго торжества!.. Принесемте же поздравленіе этому гражданину СССР со вступленіем его в наши ряды и пожелаем ему с успѣхом пройти стаж, как юных піонеров, так и Комсомола, чтобы сдѣлаться потом стойким борцом за идею международной революціи и достойным членом РКП! (Дружные и бурные аплодисменты заканчиваю эту официальную часть «Октябрин». Піанист лихо играет марш из «Веселых ребят», во время котораго члены президіума покидают свои мѣста и, среди общаго гомона, приносят свои поздравленія Зинаидѣ Поповой. Она нѣжно цѣлуется с Бухариным, который берет у нея послѣ этого «октябренка» и нянчит его, пока не подходит к нему няня Захаровна, одѣтая в отличное канаусовое платье, и не забирает ребенка на руки. За членами президіума слѣдуют, со своими поздравленіями и подарками, приглашенные гости; — одни из них окружают ребенка с нянюшкой, другіе — Зинаиду. Ягода, нѣсколько отяжелѣвшій от вина, достает из кармана футляр, с драгоценным браслетом, и, улучив момент, преподносит его Зинаидѣ. Она, в неописуемом восторгѣ от щедраго подарка, обвивает шею Ягоды и, прижав его к себѣ, цѣлует нѣсколько раз, к общему удовольствію окружающих. В это время, руководимая Варварой прислуга обносит всѣх шампанским, сладостями и фруктами. Некоторые тут же осушают бокалы; другіе — протискиваются с ними к Зинаидѣ, чтобы чокнуться с нею и выпить за здоровье ея наслѣдника).

Зинаида (завидѣв Варвару недалеко от себя, кричит ей, стараясь осилить общій радостный гомон): Варя, иди сюда!.. Да иди же. Посмотри, какой чудесный браслет подарил мнѣ Генрих!.. (Поднимает руку, с надѣтым на нее браслетом). Я прямо не заслужила!.. Вѣдь это музейная вещь!

Ягода (чеканя слова, с бахвальством «подвыпившаго» чело-вѣка): Работа флорентійскаго мастера 17-го вѣка. Из собранія Рябушинских!

Варвара (сестрѣ; без особаго энтузіазма, узнав браслет): Поздравляю, дорогая!.. А-а! вот какой браслет он тебѣ подарил!

Зинаида: Я его прямо не заслужила!

Бухарин (ей): Не скромничай! — И как артистка и, в особенности, как мать, каких мало, ты заслужила и не такіе подарки!

Захаровна (осушая бокал шампанскаго): Вѣрно, Николай Иванович! — Зинаида Авдѣевна не только свою жисть, а можно сказать — всю себя цѣликом пожертвовала ребенку. Бывало ребенок обмарается, — другая бы няньку позвала, чтоб обмыть, а она сама!

Зинаида (цѣлѹя ребенка на руках няньки): Ну, это так естественно! Что может быть слаще чувства материнства.

Ягода: Преклоняюсь перед ним и поднимаю бокал в честь родителей, жертвующих собою на благо потомству!.. (Чокается с Зинаидой и выпивает до дна свой бокал, под отрывистые «ура» окружающих).

Буланов (отлучившийся за это время в столовую, вмѣстѣ с пианистом и кое с кѣм из приглашенных артистов, возвращается в гостиную и весело «наводит порядок», на правах уже не «председателя президіума», а распорядителя на «Октябринах»): Товарищи! сейчас мы приступаем к артистической программѣ, в коей примут участие и нѣкоторые сослуживцы нашей дорогой хозяйки дома. Прошу абсолютнаго вниманія и тишины!.. Я беру на себя роль конференсье — благо программа коротенькая и я не успѣю надобсть вам! (Смѣх и аплодисменты. Всѣ мало-помалу усаживаются, — среди острот, веселых восклицаній и стихающаго шума).

Буланов: Первым номером программы будет прочтено стихотвореніе Демьяна Бѣднаго «У нас и у них», т. е. у коммунистов и у фашистов. (Снова аплодисменты и голоса: «просим! просим!»).

Пом. лаборанта (декламирует с дилетантским пафосом):

Путь нашей родины — он ясен
И героически велик,
Неузнаваемо-прекрасен
Ея преображенный лик!
Все захватил — и центр, и дали
Могучій творческой циклон.
Нам радость жизни создал Сталин
И воплотил ее в закон!
Фашизм живет лихою страдой:
Его порядок в кутерьмѣ,
Труд — за колючею оградой,
И «отдых» — в каторжной тюрмѣ.
В кострах — культурное наслѣдство,
Удѣл для юности — дурѣть,
У старости одно лишь средство
Уйти от горя: умереть.

Но крѣпнет красный фронт бунтарскій,
Фашистскій кончится кошмар:
Его развѣет пролетарскій
Всесокрушающій удар!

(Взрыв аплодисментов среди присутствующих).

Буланов (надрывая голос, чтобы быть услышанным, среди общего гама): Слѣдующим номером программы, наш любимый пѣвец — орденоносец Григорьев 2-й исполнит послѣднюю новинку, которая у всѣх на устах. Догадайтесь какую?.. (Голоса среди присутствующих: «Пѣснь о родинѣ!»..). Вѣрно!.. «Пѣснь о родинѣ!»..

Григорьев 2-й (занимая мѣсто перед слушателями): Прошу

всѣх товарищей подтягивать в концѣ припѣва... Могу на вас положиться, товарищи?.. (Голоса: «можете! можете!.. даем слово!»).

Буланов (призывая всѣх к порядку): Итак, прошу вниманія! (Хлопает в ладоши и дает сигнал пианисту, который тотчас же играет вступление к «Пѣснѣ о родинѣ», с нарочитой энергіей).

Григорьев 2-й (поет):

«Широка страна моя родная,
Много в ней лѣсов, полей и рѣк.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человек!

Хор приглашенных (с азартом):

Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человек!

Григорьев 2-й:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до сѣверных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной родины своей!
Всюду жизнь и вольно, и широко,
Точно Волга полная, течет!
Молодым вездѣ у нас дорога,
Старикам вездѣ у нас почет!

Широка страна моя родная,
Много в ней лѣсов, полей и рѣк!
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человек!

Хор:

Я другой такой страны не знаю и т. д.

Григорьев 2-й:

Над страной весенній вѣтер вѣет,
С каждым днем все радостнѣе жить,
И никто на свѣтѣ не умѣет
Лучше нас смѣяться и любить!
Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать!
Как невѣсту, родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Широка страна моя родная» и т. д.

(Во время послѣдняго припѣва, Зинаида, взяв ребенка у нянюшки, подходит к Буланову, и что-то шепчет ему на ухо).

Буланов (по окончаніи пѣсни и сопроводивших ее аплодисмен-

тов): Хозяйка дома просит дорогих гостей почтить своим присутствием дѣтскую нашего маленькаго «октябренька», гдѣ намѣчаются игры с фантами, хороводы и будет предложен чай со сладостями!.. (Всѣ рукоплещут, в порывѣ благодарности, и, толпясь в дверях столовой, уходят с веселым говором через нее направо, вслѣд за Зинаидой и нянюшкой, — туда, гдѣ предполагается дѣтская комната. На сценѣ задерживаются лишь Бухарин, Рыков, Ягода и Радек. — Ягода, явно отяжелѣвъ от вина, усаживается в сторонѣ и почти дремлет).

Рыков (другим): Идемте же, а то Бог знает, что подумают!

Радек (ему): Подожди! — У Бухариньки новость, которая всѣх нас касается.

Рыков: Что именно?

Бухарин (доставая записку из кармана): Замѣтка на завтра в газеты! ...от прокуратуры. (Читает). «... по поводу сдѣланных на процессѣ... нѣкоторыми обвиняемыми указаній о причастности к их преступной дѣятельности Бухарина и Рыкова. Слѣдствием не установлено юридических данных для привлечения Бухарина и Рыкова к судебной отвѣтственности, в силу чего настоящее дѣло дальнѣйшим слѣдственным производством прекращено».

Рыков: Я так и думал!.. Руки коротки! — побоялся Юська Храбрый опозориться перед Европой.

Радек (усмѣхаясь): Это Сталин меня страхом пытается. А я скажу, как Лев Толстой про рассказы Леонида Андреева: «он меня пугает, а мнѣ не страшно». Честное слово — не страшно!

Бухарин (расхаживая по комнатѣ и нервно теребя свою бороденку): Ну, нѣтъ, брат, — как подумаешь обо всѣх этих подстроенных процессах и их инсценировкѣ, так вчуже страшно становится, — не за себя только, а за все наше отечество! Потому что, если оно погибнет от политики Сталина, — погибнем и мы, разумѣется!

Рыков: Да уж другой такой политики и не придумаешь!.. (Издали, справа, доносится веселый взрыв смѣха). Идемте, товарищи, а то нас ждут!.. (Направляется в дѣтскую).

Радек (не обращая вниманія на Рыкова): Получается анекдот: на 20-м году существованія совѣтской власти — все, от фабричной ячейки до комсостава арміи, оказывается, полно предателей и шпионов. Так, по крайней мѣрѣ, вытекает из судебных процессов, которыми Сталин думает упрочить свое положеніе. Но кто этому повѣрит?.. И вообще можно ли дойти до большаго абсурда?.. (Снова из дѣтской, куда удалились гости, слышится дружный взрыв смѣха и звуки губной гармоник, под которую кто-то пляшет, а другіе отбивают такт ладошами).

Бухарин (все время нервно расхаживает по комнатѣ, в то время как Рыков стоит в выжидательной позѣ, прислонившись к косяку средней двери): И правда! — если обвиненія, предъявляемые Сталиным на этих процессах, соотвѣтствуют истинѣ, то спрашивается, кто же такіе всѣ эти вчерашніе представители нашей огромной страны? Вѣдь нельзя же себѣ представить, чтобы шестой частью свѣта управляли настоящіе разбойники и отпѣтые негодяи?.. Если же, обвиняя нас всѣх, Сталин инсинуирует, то спрашивается в

чьих руках кормило правленія «величайшаго государства» и с кѣм тогда приходится имѣть дѣло Европѣ и Америкѣ?

Радек (в тон Бухарину): Проще говоря: кто же правит со-вѣтскими гражданами, если вчерашній всемогущій «министр» оказы-вается форменным «шкурником», другой — «иностранным аген-том», третій — таким злостным контрреволюционером, которому мѣсто развѣ, что на каторгѣ!

Бухарин: Нѣчто несомнѣстимое! — чтобы основатели больше-визма стали чуть не всѣ измѣнниками своей партіи, ея завѣтам, всему тому дѣлу, ради котораго они рисковали жизнью, голодали в тюрьмах и бѣдствовали в ссылкѣ?

(Слѣва направо — через столовую в дѣтскую — проносят бу-тылки вина, всевозможные сласти и фрукты).

Ягода (словно придя в себя от страстных реплик своих това-рищей, начинает декламировать, с мрачной ироніей опьянѣвшаго человѣка):

О, люди, люди! Стадо, стадо!
Я приучу вас всѣх к бичу,
Заставлю мыслить, как хочу,
Заставлю дѣлать, что мнѣ надо.
О, массы, массы! Быдло! Тѣсто!
Баранов дикая орда!..
Нѣт партіи, что ни тверди,
Есть лишь толпа и есть вожди,
Толпу ведущіе приказом...

Бухарин: Откуда это?.. что-то знакомое...

Ягода: Из пьесы Безыменскаго «Выстрѣл».

Бухарин: Почему ты о ней вспомнил?

Ягода: Потому что в ней, под видом партійца Пришлѣпова, выведен сам Сталин.

Бухарин: Сталин?

Ягода: А ты не зналъ?.. Дѣло прошлое — у нас в ГПУ еле за-няли всю эту исторію.

Радек: Какую?

Ягода: Вот тѣ раз! — развѣ не ты первый указал тогда Ста-лину, какую хлесткую сатиру написал на него Безыменскій?

Радек (в легком смущеніи): Я пошутил тогда. Вы что же шу-ток не понимаете?

Ягода: Знаем мы эти шутки... А что «Выстрѣл» мѣтил «не в бровь, а в глаз» самому Сталину, — в этом ни малѣйшаго сомнѣнія. Я подберу, — говорит этот самый Пришлѣпов, —

Я подберу из всѣх чинов
Комплект чистѣйших дураков
И очень умных негодяев.
Увѣренно и без шумих
Они сумѣют облапошить

Людей достаточно хороших
Для дѣл доподлинно плохих.

Рыков: А и в самом дѣлѣ «не в бровь, а в глаз». Выстрѣл без промаха.

Ягода (с горькой бравадой): И этот «комплект чистѣйших дураков» хочет убрать меня теперь из НКВД... А? что вы скажете? (Вынимает из кармана письмо с «казенной печатью»).

Бухарин: Что ты мелешь? Проспись!

Ягода: А вот прочти сперва, что мнѣ Политбюро предлагает... (Передает Бухарину письмо; в него впиваются глазами и Бухарин, и Рыков, и Радек). Прочат меня в наркомы почты... А?.. Как вам это нравится!.. В наркомпочтеля! Какова наглость этих «чистѣйших дураков»?! К счастью их «комплект» не чует, какіе у меня документики в руках против Сталина! иначе бы давно уже прикончили меня, как Жирова, в Ленинградѣ... И хранятся эти документики у такой особы, что — арестуй меня сегодня Сталин — она завтра же предъявит улики против него кому слѣдует.

Бухарин (озабоченный): Нда-с!.. хорошенькіе комуфлеты преподносит нам Политбюро! (Возвращает письмо Ягодѣ).

Ягода: То есть ты хочешь сказать Ежов?

Рыков: То есть сам Сталин, само собой разумѣется!

Радек: И правда «комплект дураков»! и притом пренаглый!

Рыков (хлопая по плечу Ягodu): А я смотрю и диву даюсь: мрачнѣе тучи сегодня выглядишь... И словно «перехватил через край»! (Шелкает себя по воротничку).

Ягода (пряча письмо): Я, конечно, и вида не подам, что поскользнулся на «дерьмѣ в травѣ». Но клянусь, что этого Юськѣ я так не спущу. А с «комплектom дураков» я расправлюсь в два счета! будьте покойнички! Знаем мы, как их взять в оборот... (Из дѣтской, незадолго до его послѣдних слов, доносится хоровое пѣніе, имитирующее дѣтскіе голоса; поют «Жил был у бабушки сѣренькій козлик». — Всѣ четверо заговорщиков смолкают, погруженные в свои мысли. К третьему куплету «Козлика» Ягода, прислушавшись торопится вставить свое замѣчаніе): И будем мы тогда распѣвать (напѣвает в такт доносящемуся хору):

Остались от Сталина
Рожки да ножки.
Остались от Каина
Рожки да ножки.
Вот как, фить как
Рожки да ножки... и т. п.

Бухарин (Ягодѣ): Твоими бы устами да мед пить!.. А пока надо быть сугубо осторожными: — началось «маневрирование» не на живот, а на смерть. — «Комплект дураков» выдал свои карты раньше времени и тѣм сослужил нам отличную службу! (Справа налѣво через столовую проходит прислуга, унося использованную посуду, тарелки с объѣдками сластей и пр. За прислужгой слѣдует, да-

вая ей на ходу приказанія, Варвара. Увидѣвъ Бухарина, с его товарищами, она влетает в гостиную и дружески их распекает).

Варвара: Что ж это, товарищи? — бойкотируете наши игры в честь новаго «октябренька»? не хотите «освятить» своим присутствіем дѣтскую?.. Идите скорѣе туда! не то Зина будет очень обижена!

Радек («галантничая»): *Се que femme veut, Dieu le veut!*.. Идемте, товарищи, без разсужденій!

Бухарин (Рыкову, с «улыбкой висѣльщика»): Идем, Алексѣй Иванович! — будем веселиться «наперекор стихіям». (Радек, Бухарин и Рыков уходят, через столовую, направо. — Ягода задергивается, загородив путь Варварѣ).

Ягода (вкрадчиво, почти «мурлыкая»): Можно вас на два слова?

Варвара (холодно-свѣтки): Сдѣлайте одолженіе!

Ягода (пьяный от вина и от страсти): Я вас... люблю!

Варвара (с досадой): Опять за свое!..

Ягода: Опять. И не отстану, пока!..

Варвара (перебивая): Я ж вам отвѣтила!

Ягода (с ироніей): Чѣм? — любовью?

Варвара: Вы знаете мой отвѣтъ!.. Идемте же туда, не то Зина разсердится. (Хочет уйти, но он останавливает ее, схватив за руку).

Ягода: С тѣх пор, как мы видѣлись, оч-чень многое измѣнилось!..

Варвара: Только не мое отношеніе к вам!

Ягода: Вы сказали, что не могли бы снизойти до «чекиста». А до наркома почты?

Варвара (высвободив руку): Какой такой нарком почты?

Ягода: Ну, — «министр почтоваго вѣдомства», если перевести на французскій.

Варвара (морщась): А какое мнѣ до этого дѣло?

Ягода: Как какое? — Я для вас бросил службу в ГПУ, а вам и дѣла нѣтъ?.. Я принес вам в жертву всю свою карьеру.

Варвара (насмѣшливо): Так я вам и повѣрила!

Ягода: А вот прочтите! (Достает письмо, которое он только что показывал товарищам, и передает ей. Она его, нехотя, читает, в то время, как из дѣтской раздаются взрывы смѣха, визг и топот ног: повидимому, гости увлекаются «подвижными играми». — После паузы): Ну, что?.. Вѣрите теперь в мою любовь?

Варвара: Вѣрю я или не вѣрю, это не мѣняет дѣла!

Ягода: Как так? Раз я перестаю быть «чекистом», до котораго вы не можете снизойти, то... (Обнимает ее, притягивая к себѣ).

Варвара: Пустите!.. вы пьяны!..

Ягода: Пьян от любви к вам!

Варвара: Фразер!

Ягода: Скажите «да» или «нѣтъ!» — цѣните вы мою жертву или не цѣните?

Варвара (Отпихнув Ягоду, вырывается из его объятій): Отстаньте! — меня тошнит от вас!

Ягода (чуть не упавший от пинка Варвары, говорит обозленным тоном): Ах, вот как вы стали со мной разговаривать?!.. Берегитесь, красавица! — я еще у власти и сумѣю доказать вам, как рискованно говорить мнѣ такія слова!

Варвара: Опять страшаете?!.. Но мы не в ГПУ, а в частном домѣ, слава Богу!

Ягода: Гдѣ бы мы ни были, я не позволю над собой издѣваться. И не только вам, но и самому Сталину! Слышите?

Зинаида (показавшись в столовой, при послѣдних словах, и сразу, отдав себѣ отчет в происходящем, входит в гостиную): Генрих!.. Что же ты, милый, заставляешь себя ждать?.. Гости собираются уже уходить, а ты на них ноль вниманія. Окажи им честь, наконец, а то Бог знает, что подумают!

Ягода (шелкая каблуками, улыбается пьяной улыбкой и подмигивает Зинаидѣ): Слушаюсь и повинуюсь! (Повертывается по-военному кругом и уходит, через столовую, в дѣтскую).

Зинаида (сестрѣ): О чем вы пререкались?

Варвара: Ни о чем не «пререкались», а просто он пьян и пристает ко мнѣ, словно к «дѣвкѣ»!

Зинаида: Что значит «пристает»?.. Нельзя быть такой... недотрогой! — мы не в монастырѣ, дорогая!.. К тому же Генрих так избалован женщинами...

Варвара: Мнѣ до этого нѣт ни малѣйшаго дѣла.

Зинаида (у которой растегнулся браслет, подаренный ей Ягодой): Застегни мнѣ пожалуйста. (Варвара возится с браслетом). Ты не права... Ну, что тебѣ стоит дать минуту отрады тому, от котораго мы видѣли столько добра!

Варвара: «Мы»?.. А я тут причем?

Зинаида: А кто ископтал тебѣ таможенные льготы? Замял исторію с нелегальными книжками? Снабжал меня деньгами, чтоб помочь тебѣ учиться в Парижѣ?.. Надо быть хоть капельку благодарной.

Варвара (показывая на браслет): Здѣсь крючок растегнулся. (Старается исправить застежку). Я не понимаю, к чему ты меня клонишь?.. Не могу же я, в угоду твоему любовнику, измѣнять мужу и вообще... потерять всякій стыд!

Зинаида: Какой «стыд»?.. О чем ты говоришь, моя милая? Развѣ любовные грѣшки это такой позор?

Варвара (не выдержав напора одолѣвающих ея чувств): Да! позор пользоваться тѣм, от чего я с негодованіем отказалась.

Зинаида (подняв брови): От чего ты отказалась? Я тебя не понимаю...

Варвара: От этого браслета! (Передает его сестрѣ). На, возьми! Он достался тебѣ лишь потому, что я от него отказалась! Поняла?

Зинаида (надѣвая браслет): Ты шутишь?

Варвара: Нисколько! Твой Генрих, пригласив меня в ГПУ и видя, что я не сдаюсь, хотѣл подкупить меня этим браслетом! Да не на ту попал!

Зинаида (блѣднѣя): Ты клеветишь!

Варвара: Даю слово, что нѣтъ!.. И такого-то негодяя ты не только выгораживаешь, не щадя своего самолюбія, но еще толкаешь меня в его объятія... И ради чего? — чтоб жилось тебѣ лучше?.. Или это опять-таки ради сына? Мало ты принесла ему жертв? — хочешь и меня принести ему в жертву? Берегись! — он становится похож на Молоха, твой сегодняшній «октябренок», — на Молоха, требующаго все новых и чудовищных жертв. Смотри, как бы этот «кумир» не оказался на самом дѣлѣ вампиром и не высосал из тебя послѣдніе соки. Опомнись, наконец, дорогая! — ты все извратила, кончая материнской любовью. Все, все!.. И если твоя любовь ко мнѣ, как к сестрѣ, заключается в том, чтобы дѣлиться со мною любовником, ради сына, то... Бог с тобой, милая, — я тебѣ не сестра, в таком случаѣ, и забудем скорѣй о существованіи друг друга!

Зинаида (внѣ себя от удивленія): Что за чушь ты несешь?.. Откуда взялся этот бред?..

Варвара: Можешь не вѣрить — я не заставляю!

Зинаида: Но почему же ты мнѣ раньше не сообщила о его поведеніи?

Варвара: Потому, что раньше я его опасалась, как начальника ГПУ...

Зинаида (саркастически): А потом перестала?.. (Звонок телефона).

Варвара: А потом перестала! Потому что его увольняют и назначают на другую должность.

Зинаида (не вѣря ушам своим): «Увольняют»?.. — ты с ума сошла?.. Откуда ты это взяла?

Варвара: Он сам мнѣ сказал и... показал, в подтвержденіе, письмо, гдѣ ему предлагают должность начальника почты.

Зинаида (с глумливым смѣхом): «Начальника почты»?.. Может быть, просто почтальона?.. (Идет к телефону).

Варвара: Можешь издѣваться, сколько угодно! — ты живешь в таком невѣдѣніи, что... мнѣ жаль тебя, бѣдная! жаль, потому что жутко будет твое «пробужденіе», когда ты осознаешь наконец истинное положеніе вещей!

Зинаида (в телефон): Алло! алло!.. это откуда говорят, я не понимаю?

Варвара (прохаживается, чуть не ломая в отчаяніи руки): И зачѣм я пріѣхала сюда, спрашивается?.. Зачѣм меня влекло в этот «крошечный рай», гдѣ надо быть послѣдней тварью, чтобы чувствовать себя хорошо.

Зинаида (в телефон): Радека?.. Чтобы Радек спустился вниз?.. Хорошо! я скажу ему, что за ним заѣхали.

Буланов (появляясь на порогѣ столовой; — за ним еще нѣсколько гостей; всѣ очень пьяные): Зинаида Авдѣевна! что ж это вы удалились?.. Без вас ничего не клеится. (Среди гостей говор: «уже поздно... пора по домам!», «который час?», «мнѣ завтра рано вставать» и т. п.).

Зинаида (овладѣвая собой, как опытная актриса): Сейчас, сейчас, товарищ Буланов!.. Попросите только сюда товарища Радека! —

за ним заѣхали. (К другим, послѣ того, как Буланов побѣжал снова в дѣтскую). Еще рано, товарищи! успѣете насидѣться дома! Сегодня такой день для меня!.. (Завидѣвъ Радека под-руку с Бухариным, а рядом с ними Буланова): А-а, да, вот и сам Радек!.. (Ему): Вас ждут внизу! (Буланов шепчется о чем-то с пианистом и усаживает его за рояль).

Радек: Кто?

Зинаида: Кто-то из ваших товарищей; — сказали, что по важному дѣлу.

Радек: Отчего ж они не назвали себя?.. Что за ерунда! (Уходит в переднюю; — Бухарин за ним слѣдом. — К этому времени всѣ уже вернулись из дѣтской, за исключеніем няньки с ребенком. Гости начинают прощаться с хозяйкой дома. — Послѣдними возвращаются из дѣтской Рыков и Ягода; оба совершенно пьяные).

Буланов (кричит, вскочив на стул): Товарищи! Прежде, чѣм мы покинем этот гостепріимный дом, — споемте хором, как вѣрные сыны своего отечества, «Пѣсню о родинѣ». Согласны?

Всѣ: Согласны! Согласны! Даешь «Пѣсню о родинѣ»!.. (Пианист лихо играет к этой пѣснѣ вступленіе. Все поют нѣсколько «спившимися» голосами):

Широка страна моя родная,
Много в ней лѣсов, полей и рѣкъ.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣкъ!..

Бухарин (вбѣгает из передней, сильно взволнованный): Товарищи!.. подождите!.. Сейчас... сейчас только что арестовали Радека.

Зинаида: Что?

Бухарин: Радек арестован!.. (Общее оцѣпенѣніе. — Ягода тянется губами к Варварѣ, но потерявъ равновѣсіе, грузно валится на близ стоящее кресло, в то время, как она отбѣгает от него с гадливой гримасой).

Рыков (в блаженном состояніи): Чепуха!.. Оче... очередное недоразумѣніе!.. Пора бы к этому привыкнуть!.. Все скоро выяснится в самом лучшем видѣ!.. Продолжаем пѣсню и кончен бал... Эй, товарищи, начинайте!.. (Пианист повторяет вступленіе; всѣ поют с нарочитым азартом):

Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣкъ!

З а н а в ѣ с .

(Второй антракт).

«В Горках», у Сталина (то же мѣсто дѣйствія, что и в карт. 2).

Снова — поздним вечером. — На правой сторонѣ рабочаго кабинета багрово догорает большой камин, — единственный источник свѣта при поднятіи занавѣса. Этот свѣтъ ярко очерчивает фигуру Сталина, отдыхающаго за столом и курящаго трубку, придавая его силуэту фантастически-зловѣщій характер.

«Красный» диктатор слушает радіо-сообщеніе, которое четко передается безукоризненным аппаратом, (начавшим дѣйствовать до поднятія занавѣса).

Голос радіо-«спикера»: «... и только злостные враги Совѣтскаго Союза могут оспаривать, что пролетарскій суд является единственным, в исторіи міра, подлинно народным судом... Страшен приговор такого суда. И нѣтъ сомнѣнія, что он сумѣет с должным вѣсом опустить свою карающую руку на **новых** государственных преступников, к числу которых слѣдственные власти причисляют таких видных представителей компартіи и Совнаркома, как наш полномочный посол в Лондонѣ, наш замѣститель наркоминдѣла, замѣститель наркома тяжелой промышленности, командующій московским военным округом и ряд других, столь же отвѣтственных работников в нашем партійном аппаратѣ. — Эти люди, облеченные довѣріем народа, использовали свои командныя высоты не для укрѣпленія нашей государственной мощи, а для саботажа ея военной промышленности и для содѣйствія, таким образом, захвату иностранными государствами нашей отечественной территоріи. (Во время послѣдних слов, раздается приглушенный звонок телефона, стоящаго на письменном столѣ).

Сталин (зажигает свѣтъ в висящей над столом лампѣ и приложив трубку телефона к одному уху и закрыв ладонью другое, — говорит громче обыкновеннаго, чтобы быть услышанным **на фонѣ радіо-рѣчи**): Николай Иванович?.. Привез ее самолично?.. Ну, очень рад! (Смѣется). Веди ее прямо ко мнѣ: — у меня сейчас никого. Входи, не стучась!.. (Вѣшает трубку телефона).

Голос радіо-«спикера»: Эти презрѣнные преступники пойманы теперь с поличным и дадут отвѣтъ, за свои злодѣянія, народу гораздо **скорѣе**, чѣм они предполагали, в своей самонадѣянности. Богиня возмездія — Немезида — не терпит у нас волокиты, какая допускается в судебных дѣлах буржуазнаго Запада. Немезидѣ стало невтерпѣж... Это значит: — **скоро, очень скоро** будут сведены всѣ счеы с явными и тайными врагами нашего многострадальнаго отечества... Немезидѣ невтерпѣж. Мы уже слышим энергичную поступь ея приближающихся шагов. И нам вспоминаются строки совѣтскаго барда, воспѣвашаго пролетарскій Верховный Суд:

Судьи садятся за стол суровый,
Время идет и народы ждут,
Чтобы сказал беспощадное слово,
Выбранный ими Верховный Суд.

Ибо для сволочи и мерзавцев
Злобных, продавшихся до конца,

Только один разговор остался —
Точный, скупой разговор свинца!

Что же, товарищи, мы спокойны,
**Мы еще будем судить того,
Кто для народов готовил бойню,
Смерти и гибели торжество!**

Время идет и идет — повёрьте,
Что не напрасно идут года,
Что не умрет он своею смертью
И не укроется от суда!

(Раздаются звуки «Интернационала», под которые входит Ежов и здоровается со Сталиным, являя рёзвостью своих движений и мимикой отличное расположение духа. — Сталин машет рукой, в сторону радио-аппарата, и Ежов заставляет умолкнуть начавшуюся музыку).

Сталин (не выпуская руки Ежова из своей): Можно, значит, поздравить?

Ежов: Еще как!

Сталин: Ну, очень рад за тебя!

Ежов: А я — за вас.

Сталин: Спасибо... И впрямь: «на ловца и звёрь бёжит».. Что ж она медлила с разоблачением?

Ежов: А это уж она сама вам объяснит: — дёло тонкое... (Обернувшись в сторону двери): Позвать голубушку?

Сталин: Зови, зови! Только предупреди, что времени у меня «кот наплакал». А то я знаю женщин: пойдут такія изліянія, что всё дёла придется забросить.

Ежов: Я уж предувёдомил! — не беспокойтесь! (Открывает дверь и кличет): Товарищ Попова, можете войти... (Секунда, — и входит Зинаида. Поклонившись Сталину, она замедляет шаг и останавливается у двери, как бы не рёшаясь приблизиться к «отцу народов». Она в элегентном траурё, который чрезвычайно идет к патетическому выражению ея лица. В руках Зинаиды туго набитый портфель, который она прижимает к груди).

Сталин (не вставая с мёста, кивает ей привётливо головой и, указуя на кресло, стоящее перед столом, говорит с добродушием, приличествующим «отцу народов»): Здравствуй, душа моя!.. Ишь, какая красавица!.. Подойди-ка поближе! — я не кусаюсь... Очень рад тебя видёть. Садись — гостёй будешь!

Ежов (ей, поощрительно): Подойдите же, товарищ Попова! — не бойтесь, вам говорят!.. (Она робко подходит к столу).

Сталин (любующь ею): Вот она «краса и гордость» русского балета! — прямо загляденье... Ну, садись, рассказывай, почему на сценё так рёдко показываешься? больна была что ли? или отдыхала опять за границей? Кстати, — что у вас там с Ягодой не «вытанцовывается?» — ревновать тебя заставил, или чём обидёл?

Зинаида (садясь и поправляя вуаль): Ах, вы уже знаете, по какому у я дёлу?

Сталин (переглядываясь с Ежовым): «Слухом земля полнится».

Зинаида: Дѣло не только во мнѣ! — мое дѣло частное и из-за него я бы не посмѣла отрывать вас от работы, Иосиф Виссарионович... Дѣло, по которому я пришла к Николаю Ивановичу (показывает глазами на Ежова), а теперь — к вашей милости, — это дѣло, можно сказать, государственное... политическое!.. Дѣло это я скрывала до поры, до времени, но теперь уже сил моих нѣт. И я пришла с жалобой не только на Генриха, но и на себя самое: — зачѣм не раскрыла я раньше того покушения, какое все время готовится и на вашу драгоценную жизнь, и на самые основы нашего совѣтскаго государства?.. Дѣлайте со мной, что хотите, — мнѣ теперь все равно: — я была невольной соучастницей человѣка, который хотѣл погубить вас и опозорить!

Сталин (послѣ короткой паузы, тоном величайшаго удивленія): «Погубить» меня и «опозорить»?! Вот тебѣ раз!.. За что же, спрашивается?.. за то, что я замаял перед партіей его «грѣхи» по расходо-отчетным книгам?.. за это что ли?.. Или за то, что вмѣсто скамьи подсудимых, я дал ему мѣсто наркома почты и телеграфа?.. Что за ерунда!.. Ты что-то путаешь, душа моя! или, клевещешь со злобы на своего Дон-Жуана... Думаешь, — если тебѣ измѣнил он, то и мнѣ тоже самое?.. Я, вѣдь, женскій нрав знаю! — психологія у вас особенная! Забыла только, голубушка, что мы с Ягодой десять лѣт как пріятели! и что не раз он спасал меня и от вражеских происков, и от вражеских пуль!

Зинаида (с большим самообладаніем): Он ждал только часа, чтобы погубить вас тѣм или другим способом.

Сталин: Какого «часа»? — Он мог бы давно это сдѣлать, как глава ГПУ. А что касается «опозорить», то... как он мог меня опозорить? и чѣм, хотѣл бы я знать? чѣм, я спрашиваю?!

Зинаида (с рѣшимостью человѣка, бросающагося в пучину): Вот чѣм!.. (Она раскрывает портфель и выбрасывает из него на стол разные документы, письма, фотографіи и записные книжки). Вот улики против вас, которые Ягода копил изо дня в день, в продолженіи 10-ти лѣт.

Сталин (озадаченный, рассматривает, в лихорадочном порывѣ, содержаніе портфеля Зинаиды): Что это такое?.. Какія такія улики против меня?

Ежов (пока Сталин знакомится с предъявленными Зинаидой «уликами», говорит ей, понизив голос, быстро и ласково-внушительно): Теперь, товарищ Попова, раз вы признали и за собой вину, — вам остается заглядить ее и как можно скорѣе. А для этого, прежде всего, вы обязаны назвать соучастников в преступных планах Ягоды.

Зинаида (подняв плечи): О, с наслажденіем, если бы я их знала! Но вы, конечно, догадываетесь, как осторожен и скрытен был Генрих?

Ежов: Но не с вами же, моя, милая, кому он довѣрил эти тайные документы. Назовите хотя бы тѣх, с кѣм Ягода якшался и кого вы видѣли в его окруженіи.

Зинаида (с кривой улыбкой): Гм... тѣх, с кѣм Ягода был близок, он потом... предавал или изничтожал...

Ежов: Но не всѣхъ же?

Зинаида: За малымъ исключеніемъ... Смѣшно сказать, но дружил он главнымъ образомъ съ тѣми, въ комъ видѣлъ своихъ **враговъ**.

Ежов (улыбаясь): Чтобы залѣзть имъ, какъ слѣдуетъ, въ душу и...?

Зинаида: ... и вывести на чистую воду.

Ежов (насмѣшливо вздыхая): Это проторенный путь всѣхъ предателей.

Зинаида: Если б не эти вот документы, кто бы повѣрил, что пріятель самого Сталина... Бррр!

Ежов (договаривая): ... подбирался под него, какъ ехидна?.. (В это время Сталин, знакомясь съ документами, о которыхъ говоритъ Зинаида, рветъ одинъ изъ нихъ на куски, а другіе мнетъ, тихо приговаривая: «сукинъ сынъ!.. сволочь, какихъ мало!.. довѣряйся такимъ!.. ссыщикъ проклятый!.. вотъ провокатор!.. и это называется «пріятель»!.. мерзавецъ-двурушникъ! — вотъ она «школа царской охраны... чистая работа, нечего сказать!.. соглядатай паршивый!.. довѣряйся такимъ, чортъ возьми!» — Послѣ послѣдней реплики Зинаиды, этотъ потокъ ругательствъ изъ тихого становится громогласнымъ. Сталин, внѣ себя отъ злости, опрокидываетъ на документы чернильницу, схватываетъ обертку, въ которой документы хранились, и, подцѣпивъ все, подходитъ къ камину и бросаетъ въ огонь).

Сталин (возвращаясь на свое мѣсто, задыхается отъ негодованія): Вотъ песъ паршивый! — снималъ съ меня тайкомъ фотографіи, когда я былъ пьян, или за бабой ухаживалъ!.. А?! Каковъ предатель!.. Вѣдь до этого надо додуматься... И «каждое лыко» мнѣ «въ строку»! — ни малѣйшей ошибки мнѣ не спускалъ! — даже въ черновикахъ! — подбиралъ резолюціи, отъ которыхъ я отказался, и хранилъ мои автографы, какъ камень за пазухой!.. (Зинаидѣ): Почему же ты раньше не принесла мнѣ весь этотъ сор, подъ которымъ онъ думалъ похоронить меня? а?

Зинаида: Онъ лишь недавно мнѣ передалъ его на храненіе... И потомъ — смѣйтесь, не смѣйтесь — я его все же любила... и потому...

Сталин: Любила такого прохвоста? Такого измѣнника?... Вѣдь онъ измѣнялъ тебѣ направо-налѣво! Объ этомъ вся Москва говорила.

Зинаида: Я любила его, не какъ любовника, а какъ отца моего единственнаго ребенка... Кромѣ того, онъ терроризировалъ меня при малѣйшей размолвкѣ. Подумайте только, какая страшная власть у главы ГПУ!..

Сталин (строго): Его двѣ недѣли уже, какъ смѣстили съ должности; — чего ж ты медлила съ разоблаченіемъ?

Зинаида (голосъ ея дрожитъ, въ немъ слышатся слезы): Мой ребенокъ былъ боленъ. Я была внѣ себя... Я была, какъ безумная!.. Обо всемъ позабыла!

Сталин (послѣ паузы, смягчившись): Почему ты въ траурѣ и по комъ?

Ежов (съ максимальной предупредительностью): Ребенокъ ея умер, Иосифъ Виссаріоновичъ.

Сталин: А-а! Ну, тогда все понятно! (Встаетъ и задумчиво прохаживается въ глубинѣ комнаты).

Зинаида (рыдая): Онъ умер, мой маленькій!.. умеръ тотъ, кому я посвятила всю свою жизнь!.. Боже мой! Боже! чего я только ни

дѣлала ради него! каких только жертв я ни принесла своему маленькому... И все оказалось напрасно! все, все!.. Он умер, обезцѣнив всѣ жертвы ради него, мои бессонные ночи, мою связь с безнравственным человѣком. Словно он насмѣялся над моей материнской любовью. За что? за что?.. Почему я так наказана?!.. (Горько плачет. — Звонок телефона заставляет ее придти в себя).

Ежов (взяв трубку телефона): Алло!.. Да, да... я же отдал соответственное приказаніе... Что?.. Нѣтъ, нѣтъ! — никого потом не пускajte... Ладно! — мнѣ некогда! (Вѣшает трубку).

Зинаида (встает и вытирает глаза): Я отнимаю у вас драгоценное время... Простите, товарищи, за минутную слабость!

Сталин (подавая ей руку): Я тебѣ очень сочувствую и... благодарен, что открыла всю правду... Не за себя благодарствую, а за нашу страну! — столько фракцій у нас расплодилось, столько уклонов, загибов и перегибов среди партійных работников, что... не держи я генеральную линію в твердых руках, — нас давно бы фашисты захватили голыми руками.

Зинаида (направляясь к выходу, с низким поклоном): Вся советская страна вам за то благодарна!

Сталин (проводя ее до двери): Если в чем надобность, — позвони: все устроим, что нужно! (Показывает на Ежова).

Зинаида: Премного признательна. У меня одна пока просьба: устраните препятствія, если б Ягода стал их дѣлать, к отъѣзду сестры! — он ее заставил подписать какую-то возмутительную бумагу.

Сталин: Не беспокойся: — все обдѣлаем в лучшем видѣ. Одного только требую — молчи, пока, словно рыба! — чтоб с крючка не сорвалось. Поняла? (Ухмыляется).

Зинаида: Поняла, Іосиф Виссаріонныч!

Сталин: Досвиданья, душа моя!

Зинаида: Досвиданья! (Ушла).

Сталин (подмигивая Ежову): А у него «губа — не дура», у этого ерника: — ишь какую кралю подхватил в свой гарем!

Ежов: Не завидую, Іосиф Виссаріонныч: хороша «кряля», которая предаст тебя при первом же удобном случаѣ.

Сталин (вздыхнул): Да, в этом отношеніи ты прав!

Ежов: Безусловно!.. как и прав был, когда утверждал, что Ягода орудует против вас! Теперь вы убѣдились?

Сталин (разводя руками): Да, уж тут ничего не скажешь!.. А я думал, понимаешь, что ты торопишься его мѣсто занять; оттого и пугаешь им понапрасну.

Ежов (качая головой): Что вы, Іосиф Виссаріонныч, да развѣ я смог бы на такую подлость пойти?..

Сталин (усаживаясь за стол): Ну-у, почему «подлость»?!.. каждый хочет, чтоб ему было лучше! никто себѣ не враг...

Ежов: Помилуйте, Іосиф Виссаріонныч!..

Сталин (перебивая ласково): Бросим!.. все это мелочь! Сейчас главное выяснить, с кѣм еще этот негодяй состоит в заговорѣ.

Ежов (потирая руки, самодовольно): Ну, это плевое дѣло! — это мы узнаем от Радека, который стал под арестом еще сообщив-

тельнѣе, чѣм раньше. Надо его только пострашать хорошенько: — он и выдаст нам, кого слѣдует.

Сталин (недоумѣнно): Почему Радек?.. Откуда знать Радеку, кто был в заговорѣ с Ягодой?

Ежов (деликатно вразумляет): А очень просто, Иосиф Виссаріонич: — Ягода якшался лишь с тѣми, кого собирался предать. Якшался Ягода и с Радеком, как извѣстно; однако ж его не предал: — предали его Зиновьев и Каменев.

Сталин (все еще не понимая): Ну, так что ж?

Ежов: А то, что Радек стало-быть ему нужен; нужны же Ягодѣ лишь тѣ, кто с ним заодно; и раз Ягода стал злоумышлять против вас, — навѣрно и Радек был с ним заодно.

Сталин (в восхищеніи): Ну, брат, прямо Шерлока Холмса заткнул за пояс!

Ежов (скромничая): Помилуйте, Иосиф Виссаріонич! — здѣсь сама очевидность, так сказать, вопіет.

Сталин (хлопая в ладоши): Ну, коли так, — пошли за ним поскорѣе! — Я сам допрошу этого «Крадека». Ты куда его запрятал покамест? в Бутырки?

Ежов: В секретный ИЗО.

Сталин: Правильно!

Ежов: Он сам умолял о свиданіи с вами: хочет жаловаться — мол, невинная жертва... А я знал, что послѣ разоблаченія Поповой, Крадек может понадобиться вам и велѣл его доставить сюда.

Сталин (потирая руки): Молодец! — золотая голова все предвидит заранѣе!

Ежов: В 9 часов Крадек будет уж здѣсь.

Сталин (взглянув на часы): Уже 9 часов.

Ежов: Значит, сейчас сообщат о приѣздѣ. (Посмотрѣвъ на свой хронометр). Ваши спѣшат на пол-минуты. (Раздается звонок телефона. — Ежов к нему подходит).

Сталин (аплодируя): Прямо, как по расписанію!

Ежов (улыбаясь самодовольно): Аккуратность — первое условіе в нашем дѣлѣ. У меня строго на этот счет! (В телефон): Алло!.. (Пауза). Отлично! — ведите его прямо вверх. (Вѣшает трубку).

Сталин (вынимает револьвер из ящика стола и кладет его перед собой): Оставь нас погода с глазу на глаз, — чтоб он не стѣснялся тебя, как «чужого»!

Ежов: Слушаюсь! Не забудьте только припугнуть его хорошенько.

Сталин: Не беспокойся! — для этого и оружіе вынул, как видишь. (Стук в дверь. — Ежов идет на стук и, скрывшись за дверью, вводит через секунду-двѣ Радека. Послѣдній слегка исхудал, обрюзг и оброс волосами; одѣт он неряшливо и видимо наспѣх).

Радек (кланяется, не смѣя подойти к Сталину и говорит чуть-чуть заикаясь): Иосиф Виссаріонич, в чем дѣло? Я приѣхал жаловаться на недоразумѣніе.

Сталин (перебивая, с издѣвкой): А-а, пріятель, здравствуй!.. Доигрался-таки до тюрьмы, двоерушник?!.. Я тебя предупреждал, что с огнем не шутят. Хотѣл посадить меня в лужу, подлец?! и в ней

утопить? На жизнь мою покушался?! И это — прїатель, которому я открывал свою душу! сообщал планы по важнїйшим дѣлам, довѣрял наблюденіе над совѣтской прессой!

Радек (в неврастеническом трансѣ, почти «заговаривается», еле владѣя русской рѣчью): Я же вас увѣряю, что это чистое недоразумѣніе. Я даю вам честное слово! (Сталин фыркает и презрительно отмахивается). Что?.. вам мало моего честнаго слова? — тогда я вам все разьясню, чтобы вы видѣли!..

Сталин (перебивая): Разьяснять ты будешь потом, на судѣ. А сейчас не морочь мнѣ голову и говори прямо, **кто** твои сообщники? Ну?.. Говори, не то худо будет!

Радек (с улыбкой на помертвѣлых губах): Что значит «кто мои сообщники»? — вы же знаете, кто обвиняемые в новом процессѣ? (Скороговоркой): Пятаков, Муралов, Сокольников, Дробнис, Шестов, Богуславскїй, Ратайчик и Серебряков. Из них около половины я указал совѣтскому правосудію... А если привлекли и меня самого, то лишь потому, что я притворялся будто я соучастник! а это лишь для того, чтоб узнать, **кого** слѣдует опасаться из них, а кого опасаться не стоит.

Сталин (хватает револьвер и начинает вертѣть его в руках, как игрушку): Врешь, сукин сын! — Твоя переписка с Сѣдовым и Троцким **разоблачает** тебя до конца.

Радек: Что значит «разоблачает»?! — Чтоб меня «разоблачить», так надо, чтоб я был сперва «облачен!» т. е., чтоб я маскарад устраивал. А если человек голый, то и 10 атлетов не смогут его разоблачить.

Сталин (постукивая ручкой револьвера по столу): Ты у меня поостри еще, провокатор паршивый! Поостри, пока пуля не продырявила тебѣ черепа. Ты что — шутить со мною вздумал? а? Мало ты меня анекдотами донимал? — Ими вся страна наша сыта уж по горло: с души воротит!

Радек: Какіе «анекдоты»? При чем тут анекдоты?.. Мнѣ сейчас — смѣйтесь или не смѣйтесь — а вовсе не до анекдотов!.. И в самом дѣлѣ: что это за «*Missinverständnis!*» — берут человека ни за-што, ни про-што и сажают его в тюрьму!.. Хорошенькое дѣло! За что, хотѣл бы я знать? За то, что я всегда доносил на тѣх, кто был подозрителен в партіи? За то, что я разоблачал таких «стратегов», как маршалеk пан Тухачевскїй? и что от меня не мог схватиться ни один из контрреволюціонеров? За что меня посадили в тюрьму, проще пане?

Ежов (сухо): За то, что вы не донесли прежде всего на **себя!** а с этого слѣдовало начать!

Радек: «На себя»?!.. Хорошенькое дѣло!.. А в чем я был виноват, чтоб доносить на себя? Это легко сказать!

Ежов: Виноваты в укывательствѣх, — это во-первых! и в антипартійном заговорѣ, — во-вторых!

Радек: Но я же объяснил, что это было **нарочно**, чтоб узнать, **кто** из заговорщиков настоящїй, а кто — просто дурака валяет, чтоб другим импонировать. А если я не успѣл во время донести, то, я извиняюсь, мы не на скачках, чтобы торопиться вперед, сломя голову!

Сталин (с грохотом кладя револьвер на стол): Довольно болтовни!.. Или ты сейчас же выдашь соучастников новаго заговора, или я не дам тебѣ и до суда дожить, подлый предатель!

Радек (дрожит, с виноватой улыбкой): Но кого вы хотите, чтоб я выдал? Назовите, и я подтвержу, чи это так, чи не!

Ежов: Бухарин!

Сталин: Рыков!

Радек (смотрит на них, как затравленный звѣрь): Бухарин и Рыков?.. Хорошенькое дѣло! — вы же знаете из газет, что для их обвиненія у прокурора нѣтъ юридических данных.

Ежов (рѣжущим тоном): Это напечатано по моей просьбѣ, чтобы усыпить их бдительность и провѣрить, с кѣм они связаны... (Пауза «гробового» молчания).

Сталин (Радеку, глухим голосом, тяжело дыша): Отвѣчай немедленно насчет Рыкова и Бухарина!

Радек («извиваясь», как червяк на огнѣ): Что же мнѣ отвѣчать, раз вы лучше моего информированы. (Усмѣхаясь): Это я должен у вас спросить, а не вы у меня!

Сталин (шипит): Пачему на них не донес?

Радек (сдавленным голосом): Потому что не знал!.. Да. Не знал!

Сталин (свирѣпо): Не знал, с кѣм ты замышлял против партіи и покушался на мою жизнь?

Радек (полу-мертвый от страха): Клянусь, я не знал, что это так все серьезно!.. я думал, что это, как водится, одни «разговорчики».

Сталин (взявшись за револьвер): Не ври, сукин сын, или я за себя не ручаюсь!

Радек (истерически): Но я же клянусь! клянусь самым священным, что для меня существует: — коммунистической партіей, ради которой я рисковал жизнью!.. Что вы от меня хотите еще? за что вы меня мучаете? Хотите, чтоб я на колѣнках вам поклялся? — иначе не вѣрите? (Опускаясь на колѣни): Так я могу и на колѣнках поклясться, что это, ей Богу, у в правду, что я говорю! (Начинает жалобно хныкать, достает платок и слезливо сморкается. — Сталин переглядывается с Ежовым и кивает ему головой в сторону двери).

Ежов (взглянув на часы): У меня еще дѣло, нетерпящее отлагательства, так что, если позволите...

Сталин (ему): Ступай, дорогой мой! — я и один с этой сволочью справлюсь.

Ежов (с кривой усмѣшкой): Счастливо оставаться! (Уходит).

Сталин (ему вслѣд, не без ироніи): Благодарю покорно!

Радек (ползая на колѣнях перед Сталиным, почти вопит): Ой, что вы со мной дѣлаете?! и за что, хотѣл бы я знать? Если я виноват перед вами, то все же я был вашим другом и добрым совѣтчиком! Или все уж забыто?!.. Забыто, что это таки я донес на Гамарника и на Корка? что это я выслѣдил Уборевича в связи с Тухачевским? Забыто, что я писал в «Извѣстіях» против Зиновьевской шайки? что я требовал публичной казни против «бѣшеных псов»?!! Все забыто? Даже и то, что я **первый** подсказал Людендорфу разрѣшить нам ѣхать сюда в пломбированном вагонѣ?! — так читайте тогда Фрица Пляттен, что он пишет в «Die Reise Lenins durch Deutsch-

land im plombierten Wagen»! Нельзя же отрицать всю заслугу у человека и судить его словно жулика! Я же был секретарем Циммервальдской Конференции и руководитель политики у в Третьем Интернационале!

Сталин (сурово): Как бы ты ни был по должности, ты всегда был сволочью по своей сущности и мерзавцем, которого давно уже следовало разстрелять!

Радек (убедительно-вкрадчиво): Ну, допустим, что я мерзавец! но зачем же меня следует разстрелять, если я могу еще пригодиться партии?!.. Разве Ленин не учил, что «иной мерзавец потому-то и ценен, что он мерзавец», ибо то, что может сделать мерзавец, то никак не под силу честному дураку! И разве не тот же Ленин, уча, как проникнуть нам в профсоюзы, разрешал идти «на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания и сокрытие правды». Это же напечатано в полном собрании его сочинений.

Сталин (положив револьвер на стол): Ну, вот что! — Я тебе сохраню твою паршивую жизнь, но при одном лишь условии: выдай **всех**, кто был в окружении Бухарина, Рыкова и тебя. Слышишь — **всех**, даже тех, кого пуле огня опасешься выдать!

Радек (поднимаясь с колена): Но позвольте, Иосиф Виссарионович!..

Сталин (перебивая): Ничего не позволю! — выдай сейчас же, или будет плохо. (Снова берется за револьвер).

Радек (откашливается и говорит, смотря в сторону): Крестинский!..

Сталин: Полпред в Берлин?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек: Раковский!

Сталин: Полпред в Париж?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек (колеблясь конфузливо в затруднении): Гм... так их очень много.

Сталин: Ничего не значит!

Радек (почти на-распев, с улыбкой смущения): Чернов, Розенгольц, Безсонов, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Максимов-Диковский, Крючков, доктор Левин, Плетнев, Казаков... вот и все!

Сталин (топнув ногой): Нет, не все!.. Я знаю, с кем вы еще замыслили против партии и меня. И если ты сейчас же не назовешь его имени, — не жди себѣ, Радек, пощады! Говорю тебе совершенно серьезно!

Радек (мнется): Ой, Боже мой, неужели я кого-нибудь забыл?.. гм... Кого же я мог позабыть, дай Бог памяти?.. (пауза). Ах, да, вспомнил!..

Сталин: Ну?

Радек (опуская голову, говорит еле слышно): Генрих Ягода!

Сталин (с удовлетворением): То-то!.. (Открывает ящик стола и с грохотом кладет в него револьвер). Твое счастье!.. — можешь

идти!.. (Радек еще ниже опускает голову, как бы кланяясь, и уходит мелкими шажками из комнаты).

З а н а в ѣ с.

КАРТИНА 6-ая

Кабинет народного комиссара внутренних дѣл Н. И. Ежова, — заново отдѣланный и меблированный. Это тот самый кабинет, в здании НКВД, об отравлении воздуха котораго, — с цѣлью покушения на жизнь Ежова, — подробно говорится в Судебном Отчетѣ, по дѣлу антисовѣтскаго «право-троцкистскаго блока». (См. выпуск «Юридическаго Изд-ва» 1938 г., Москва, стр. 492-494 и слѣд.).

Три двери в глубинѣ сцены ведут: направо — во внутреннее помѣщеніе ГПУ; налево — в прихожую и «залу ожиданія»; и посреди — в корридор, сообщающійся с секретными помѣщеніями ГПУ. — Всѣ три двери завѣшены тяжелыми портьерами; когда их раздвигают и распахивают двери, — за ними неизмѣнно виднѣтся стража ГПУ, несущая охрану кабинета и прилегающих помѣщений.

Очень мало мебели заполняет эту комнату, декорированную в холодном, неуютном «казенном» стилѣ. — Направо, близко к рампѣ, массивный стол народного комиссара; за ним — большое кресло, а с боков стола — два других поменьше.

За столом, на стѣнѣ — фотографическіе портреты внушительных размѣров Сталина, Ленина и Феликса Дзержинскаго.

При поднятіи занавѣса за столом сидят: на предсѣдательском мѣстѣ — Ежов; направо от него, за узким концом стола (лицом к публикѣ) — прокурор Вышинскій, совмѣщающій в процессѣ анти-совѣтскаго блока и должность слѣдователя; напротив него, спиною к публикѣ — секретарь; напротив Ежова, т. е. слѣва за столом, сидит, скрестив руки на груди, Бухарин.

В то время, как судебный персонал отличается сравнительно здоровой выхоленной внѣшностью, — Бухарин поражает измученным видом своего похудѣвшаго лица, болѣзненным румянцем, лихорадочным блеском глаз и нервными движеніями непослушных ему рук и ног.

Прокурор Вышинскій: ... и я еще раз спрашиваю: подтверждаете вы этот разговор с маршалом Тухачевским, или не подтверждаете?

Бухарин: В «Логикѣ» Гегеля слово «этот» считается самым трудным.

Прок. Вышинскій (Ежову): Я прошу вас, товарищ предсѣдатель, разъяснить обвиняемому Бухарину, что он допрашивается мной не в качестве философа, а в качестве преступника, и о гегелевской философіи ему лучше помолчать, хотя бы из уваженія к гегелевской философіи!..

Бухарин: Развѣ преступник не может быть философом?

Прок. Вышинскій: Может!.. но не тогда, когда он прибѣгает к выкрутасам, желая запутать слѣдствіе в цѣлях самозащиты.

Бухарин (загорѣвшись): Мнѣ защищаться нечего! — мнѣ в этом дѣлѣ принадлежит скорѣй роль обвинителя! А если и — защитника, то не своих интересов, а всей коммунистической партіи, которую Сталин обратил в «голосующее стадо»!

Прок. Вышинскій (с издѣвательской улыбкой, — как бы «между прочим»): ... за что вы и рѣшили расправиться с ним без зазрѣнія совѣсти?

Бухар.: О совѣсти говорить не приходится, когда рѣчь заходит о Сталинѣ, — особенно послѣ того, как он дискредитировал совѣтскую демократію, уничтожил партійные кадры, организовал избіеніе комсомола и инсценировал судебные процессы, которые, вздорностью обвиненій, превзошли средневѣсковые «процессы вѣдьм».

Прок. Вышин. (усмѣхаясь): Благодарю покорно!.. Но вѣдь план ареста созрѣл у вас еще в 1918 году.

Бухар.: Не Сталина только, а и Ленина. Но то были одни «разговоры».

Прок. Вышин. (Ежову): Я буду ходатайствовать о вызовѣ, в качествѣ свидѣтелей, тѣх «лѣвых коммунистов», которых Бухарин возглавлял в первые годы революціи.

Бухар.: Очень жаль, что мы тогда отказались от плана, о котором вы говорите! — тогда нам не пришлось бы сейчас пререкаться о режимѣ, который допускает осужденіе своих героических основателей! О правительствѣ, которое истребляет тѣх, кто были его вождями и безсмѣнными труженниками! О пролетарской республикѣ, в которой отмѣняется свобода труда и рабочіе прикрѣпляются к фабрикам, на подобіе рабов!

Прок. Вышин. (с ироніей): Это, конечно, похвально, что вы признаетесь в своем преступном намѣреніи, но далеко не похвально, что вы его начали приводить в исполненіе. Потому что это — вы сами знаете — пахнет статьею 58-й Уголовнаго Кодекса, грозящей **смертной** казнью. И вам, говоря откровенно, тут нечего негодовать, так как вы **сами**, в своей «программѣ коммунистов» убѣдительно доказали, что пролетарское государство, как и всякое другое, **является организацией насилія**. Вѣрно я вас цитирую?

Ежов: Тот вовсе не революціонер, — говорится у Бухарина, — кто боится насилія со стороны пролетарскаго государства.

Прок. Вышин. (Бухарину): Нѣтъ и 10-ти дней, как вы сами, в Политбюро, грозили **высшей мѣрой наказанія** за уклон от той линіи, которая вам представлялась главенствующей.

Ежов: Да уж протестовать теперь не приходится! — Сами стояли горой за смертную казнь.

Прок. Вышин.: Дѣло сводится, значит, к тому, желаете ли вы умереть, не покаившись в своих заблужденіях перед пролетариатом, — умереть, так сказать, «собачьей смертью», — или же предварительно покаяться и тѣм оказать существенную услугу коммунистической партіи.

Ежов (Бухарину): Вѣдь вы всегда учили с кафедры и в своих книгах, что наша партія является носительницей истинной доктрины, — непреложной для настоящаго марксиста, что вожди ея могут ошибаться, но сама партія остается незыблема в своих главных устоях?

Бухар. (стиснув зубы): Я окажу гораздо большую услугу партіи, если изобличу такого «узурпатора», как Сталин, нежели распи-

шусь в винѣ, которую вы мнѣ приписываете, только чтоб скомпрометировать наше правое дѣло!

Прок. Вышин. (холодно): Ваша воля!

Бухар.: Я не страшусь разстрѣла и смертью вы меня не запугаете. Но прежде, чѣм пасть под «чекистскими» пулями, повѣрьте, — я хорошо использую скамью подсудимых, в качествѣ почетной трибуны!

Прок. Вышин. (кривя губы): Не думаю, чтоб это вам далось безнаказанно! (Переглядывается с Ежовым).

Бухар. (вызывающе): Чего мнѣ бояться, раз я иду на вѣрную смерть?

Ежов (откашлявшись): Развѣ Ягода не говорил вам, что смерть уличенных в контрреволюціи бывает... разная?

Бухар. (послѣ короткой паузы недоразумѣнія): Как так «разная»?

Ежов.: Гм... для того, чтобы преступник был приговорен к **нормальной** смерти... надо заслужить ее! (Пишет что-то на блокнотѣ и передает записку секретарю).

Бухар.: Каким образом?

Прок. Вышин. (подсовывая Бухарину мелко исписанный лист): Вот тут я сформулировал, какого рода покаянія мы ждем от вас на судѣ. Прочтите повнимательнѣе и верните мнѣ бумагу с вашей подписью... (Секретарь уходит с запиской Ежова направо).

Бухар. (взглянув на прокурорскую бумагу, с возмущеніем хлопает по ней рукой): Что это за бред?.. Что за инсинуаціи вы мнѣ подсовываете для подписи?.. Я... я не знаю, из каких соображеній вам понадобилось обратить меня в «шпіона». — Я знаю только, что ни за какія блага в мірѣ не распишусь в тѣх подлостях, в каких я неповинен ни словом, ни помышленіем!.. (Секретарь возвращается на свое мѣсто).

Прок. Вышин.: Вы, значит, наотрѣз отказываете нам в признаніи, что состояли эти годы на службѣ у фашистов?.. И это вопреки тѣм фактам, какіе засвидѣтельствованы вашими друзьями?.. (Пишет что-то на клочкѣ бумаги и передает Ежову).

Бухар. (разсердившись): Какими такими «друзьями»?.. Этому так же трудно повѣрить, как тому, что вы, **будучи прокурором**, выступаете в том же процессѣ в качествѣ **слѣдователя**. — Нѣчто неслыханное в судебных анналах!

Ежов (Бухарину, строго): Ну, ну! — не забывайте, гдѣ вы находитесь!

Прок. Вышин. (Ежову, с «іезуитской» улыбкой): Я попрошу тогда немедленно об очной ставкѣ обвиняемого с... очередным свидетелем.

Ежов (передавая записку Вышинскаго секретарю): Прошу исполнить требованіе прокурора! (Секретарь уходит направо).

Прок. Вышин. (Бухарину): Напрасно упрямитесь послѣ того, как ваш пріятель Рыков дал уже нам свою подпись под такого же рода бумагой.

Бухар. (ошеломленный): Рыков?.. Алексѣй Иванович, бывший предсѣдатель Совнаркома?..

Прок. Вышин.: Ну, разумѣется! — чему вы удивляетесь? (По-

казывает Бухарину одну из бумаг, находящихся в его папкѣ). Можете убѣдиться, если угодно! (Бухарин, внѣ себя от волненія, просматривает предъявленную ему бумагу, в то время, как Вышинскій потирает руки, переглядываясь с Ежовым).

Бухар. (с трясушейся бородкой): Хоть я и сквернаго мнѣнія о нашем совѣтском судѣ, но, каюсь, — никогда в жизни не повѣрил бы, чтоб он дошел до обвиненія в **завѣдомо** ложных фактах. Меня просто охватывает чувство брезгливости и тошноты!

Прок. Вышин.: Напрасно изволите кутаться в бѣлоснѣжныя ризы самонящей буржуазіи! — Партія большевиков, коль это нужно, имѣет право требовать от своих членов любого выстуления, самодискредитированія и даже самообвиненія в том, что партія предпишет из политических соображеній!.. (Ежов кивками головы подтверждает многократно слова прокурора). Вам, как начетчику коммунистической партіи, должно быть извѣстно, что большевику не пристали медоточивыя рѣчи о **своей** собственной чести, когда Центральный Комитет партіи требует, чтобы данный член ея предстал перед общественным судом с «подмоченной» репутаціей! (При послѣдних словах, справа показывается секретарь, в сопровожденіи Радека. Послѣдній вполнѣ «комильфотно» одѣт, выбрит, подстрижен и имѣет вид челоуѣка, довольнаго своею судьбой. Секретарь указывает ему на стул, недалеко от прокурора Вышинскаго, и возвращается на свое мѣсто).

Радек (раскланивается с Ежовым и Вышинским): Честь имѣю кланяться, глубокоуважаемые граждане!.. Буду искренно счастлив помочь правосудію разобраться в наших темных дѣлах! (Садится в отвѣт на пригласительный жест Ежова и с развязным видом поворачивается к Бухарину): Здравствуйте, товарищ!.. (Бухарин хмурится). Я имѣю в виду — «товарищ по несчастью».. В чем дѣло? — Я предчувствую, что вы запираетесь у в том, у в чем запирается теперь совершенно излишне! — Мы пойманы с поличным и нам остается только **честно** сознаться в организациі шпіонажа по заданіям Трощаго, — чтоб ему, «ни дна, ни покрывки»!

Прок. Вышин. (ему, — спокойным тоном): Здѣсь Рыков разсказал нам довольно послѣдовательно, как в вашем подпольи формировалась партія антагонистов Сталинской политики и как произошел переход у вас к террористическим актам. — Мнѣ хотѣлось бы теперь выяснить, **поскольку** обвиняемый Бухарин участвовал не только в **шпіонской** дѣятельности «троцкистскаго блока», но и прямо замѣшан в **военном заговорѣ** маршала Тухачевскаго.

Радек (с торопливой угодливостью): Это очень просто выяснить! — Спросите только у гражданина Бухарина, чи он налаживал связь с польской развѣдкой, чи не налаживал.

Бухарин (смотря в потолок): На такого рода вопросы я не унижусь, чтобы отвѣчать!

Прок. Вышин. (ему): Вам незачѣм дѣлать постное лицо, подслудимый Бухарин! — хотите или не хотите, а нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имѣлась группа сообщников в Бѣлоруссіи, возглавляемая Червяковым, Голодѣдом и Шаранговичем...

Радек: Совершенно вѣрно!

Прок. Вышин.: ... по вашей директивѣ, эти лица связались с польской развѣдкой и польским генеральным штабом.

Радек: Совершенно вѣрно!

Прок. Вышин.: Слѣдовательно, кто был организатором шпионажа, коим упомянутыя лица занимались?

Радек: Рыков и Бухарин!

Прок. Вышин.: Значит, можно вас считать шпионом, или нѣт?

Бухарин (Вышинскому): Считайте меня за кого угодно! — я вам в этом лживом навѣтѣ поддакивать не намѣрен!

Радек: Почему «лживом»? Откуда такое недовѣріе к моим словам? — Вы всегда так чутко относились к моим замѣчаніям!..

Бухарин: А с вами, подлый предатель, я вообще разговаривать не намѣрен!

Радек (с улыбкой превосходства): «Подлый предатель»?!.. Хорошенькое дѣло! Почему я «подлый предатель», — объясните, пожалуйста! Потому что я стою за раскрытіе правды перед судебной властью? Или потому, что у меня память лучше, чѣм у вас, когда рѣчь заходит о шпионажѣ?.. (К Ежову и Вышинскому): Почему я «подлый предатель», хотѣл бы я знать?

Бухарин: Потому что вы знаете не хуже меня, что я никогда не был шпионом и не мог им быть по самому складу своего характера, хотя, правда, и полагал, что в Бѣлоруссіи и на Украинѣ привольнѣй жилось бы под властью интеллигентных фашистов, чѣм под властью таких изувѣров, как Сталин.

Радек (Ежову и Вышинскому, — страстным тоном доносчика): Вы слышите, как мыслит этот безумец? Отсюда только один шаг, чтоб открыть фронт непрятелю и погубить всю совѣтскую власть.

Прок. Вышин. (Бухарину): К чему же, собственно, сводилась роль, которую вы взяли на себя среди всѣх этих шпионов, диверсантов и просто убійц, терроризировавших наше правительство?

Бухарин («профессорским» тоном): Я был занят **проблематикой** общаго руководства и **идеологической стороной**, что, конечно, не исключало моей освѣдомленности относительно практической стороны дѣла.

Прок. Вышин. (с нескрываемым издѣвательством над Бухариным, обращается к Ежову, ища его поддержки): Вот и извольте оцѣнить роль этого господинчика, занимающагося якобы не руководством всевозможных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих чудовищных преступлений, а «идеологической стороной» этого чернаго дѣла!.. Как вы слышали, — пойманный с поличным Бухарин призывает в свидѣтели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологіи и риторики, бормочет какія-то ученныя слова, лишь бы как-нибудь замести слѣды. Я не знаю другого примѣра, гдѣ бы шпион и убійца орудовал философіей, как толченым стеклом, чтобы запорошить глаза своей жертвѣ перед тѣм, как раз-можить ей голову!

Радек (Бухарину, не без пафоса и с развязностью, доходящей до неприличія): Стыдно, гражданин Бухарин!.. Стыдно двоерушничать перед товарищем слѣдователем, который, не покладая рук, раз-

вязывает узел ваших государственных преступлений. Надо быть **честным** в своем покаянии, когда вас поймали с поличным. Надо честно признать свою вину и указать, в данном случаѣ, без изъятія, на ближайших сообщников. **Честность** перед партией и ея судебными органами — вот священная обязанность всякаго большевика!.. Берите примѣр у в с меня, гражданин Бухарин! — имѣйте, наконец, мужество сознаться в своих контрреволюціонных дѣяніях и расписаться в своих государственных преступленіях.

Ежов (взглянув на часы): Спасибо, свидѣтель Радек! (Вышинскому): Товарищ прокурор не имѣет больше вопросов к свидѣтелю?

Прок. Вышин.: Благодарю. Я вполне удовлетворен очной ставкой.

Ежов (Радеку): В таком случаѣ мы вас больше не задерживаем. (К секретарю): Проводите свидѣтеля! (Секретарь встает, чтобы исполнить приказаніе).

Радек (с чувством гадливости): Стыдно, гражданин Бухарин! (Низко кланяется Ежову и, гордо подняв голову, как человек, исполнившій свой долг, — уходит направо, в сопровожденіи секретаря).

Прок. Вышин. (Бухарину, вертя бумагу, данную им обвиняемому на подпись): Итак, вы наотрѣз отказываетесь расписаться в том, что работали, как **шпіон**, по заданіям фашистов и, в связи с этим, ѣздили так часто за границу?

Бухарин: Я не мѣняю своих слов каждыя 10 минут!

Прок. Вышин.: Жаль! потому что чистосердечное раскаяніе могло бы, в данном случаѣ, смягчить вам наказаніе.

Бухар. (смѣясь): Так я вам и повѣрил! — Зиновьеву и Каменеву тоже, небось, было обѣщано сохранить жизнь, а между тѣм, их разстрѣляли самым вѣроломным образом.

Прок. Вышин.: Напрасно так думаете! — совѣтская власть дорожит своим словом, а кстати и такими свидѣтелями, которые ей могут еще не раз пригодиться.

Ежов (Бухарину): Развѣ ваш пріятель Ягода не говорил вам о своем изобрѣтеніи «загробной казни»?

Бухарин: «Загробной казни»?

Ежов: Ну, да! — о так называемой «второй смерти»? (Секретарю, вернувшемуся в кабинет): Вы подготовили смертников, о которых я говорил?

Секретарь: Так точно! — Они к вашим услугам.

Ежов: Приведите-ка их сюда! (Секретарь уходит в среднія двери).

Прок. Вышин. (Бухарину): Вы сейчас убѣдитесь в своем заблужденіи...

Ежов (встает и, перебивая Вышинскаго, обращается к нему): Хотите сдѣлать перерыв покамѣст?

Прок. Вышин. (встает): Ничего не имѣю против.

Ежов: Пойдемте тогда в буфет на минуту — промочить глотку.

Прок. Вышин.: Спасибо! (Оба направляются к правой двери, в момент, когда из средних дверей появляются Зиновьев и Каменев,

в сопровождені секретаря. За дверями видна четко тюремная стража, стоящая на дежурствѣ).

Ежов (обернувшись на ходу к секретарю): Перерыв! — Можете отдохнуть. Стража дежурит?

Секретарь: Так точно!

Ежов: Идите с нами! (Всѣ трое уходят направо. — Бухарин, не вѣря глазам своим, подходит к Зиновьеву и Каменеву и смотрит на них, как на выходцев с того свѣта. Они и в самом дѣлѣ похожи, своим угрюмым видом, исхудалыми, сѣрыми лицами и обтрепанными, выцвѣтшими одеждами, на привидѣнія).

Бухарин (послѣ паузы): Вот уж не думал застать вас в живых!.. Что это значит?

Зиновьев (сдавленным голосом, озираясь по сторонам): Это значит, что ад существует!..

Бухарин: «Ад»? В каком смыслѣ?

Каменев: В самом настоящем!

Зиновьев: Говорили, что это «поповскія выдумки», а между тѣм, ад дѣйствительно существует и притом — невообразимый!

Бухарин: Что за ерунда!.. Объясните, в чем дѣло?

Каменев: Гм... очень просто: в газетах и родственникам объявляют, что такіе-то преступники разстрѣляны, а между тѣм их лишь зачисляют в покойники, чтобы можно было с ними поступать, как заблагоразсудится: лупить почем зря, кормить всяким гнильем и изводить до чертиков здорово-живешь.

Зиновьев (торопясь высказаться): Меня третьяго дня так отодрали нагайкой, что я до сих пор сидѣть не могу... Вѣдь это же нечто неслыханное!

Каменев (Зиновьеву): А все потому, что ты пререкаешься с надсмотрщиками... Бери примѣр с меня: я, как ягненок, держусь: что прикажут, то и дѣлаю! — велят мемуары писать, пишу мемуары; велят отхожія мѣста чистить, чищу отхожія мѣста; велят спяна кусок мыла сожрать, жру его безпрекословно... Оттого и любимцем стал среди смертников.

Зиновьев (ему): У тебя нѣтъ самолюбія! — тебѣ легко. Но не всѣ же, как ты!

Каменев: Самолюбіе?.. А на кой чорт мертвецу самолюбіе?.. И вообще какое может быть у покойников самолюбіе?.. Вѣдь нас не существует по официалъным данным, значит и самолюбія нашего не существует больше.

Зиновьев: Парадокс и больше ничего! Смѣшно подумать, что, когда ты правил Москвой, тебя считали первым сибаритом в Россіи.

Каменев: Об этом надо забыть, потому что, чѣм больше ты тюремщикам напоминаешь о своем прежнем величии, — тѣм сильнѣе у них охота набить тебѣ морду. — «Бывшій предсѣдатель Коминтерна»?! — Ну, так валяй его, чтобы не зазнавался!

Зиновьев (Бухарину): Мой добрый совѣт: соглашайтесь на любое самообвиненіе! распишитесь в любом преступленіи! согласитесь играть самую унизительную роль на судѣ! — лишь бы они вас в самом дѣлѣ разстрѣляли, а не только на бумагѣ. Ибо это — хуже смерти! в тысячу раз хуже!

Бухар. (недоумѣнно): Развѣ вы не вдосталь бичевали себя на судѣ, чтобы заслужить нормальную смерть?!

Зинов. (с горькой ироніей): Мы каялись на 60%, а Сталин хотѣл, чтобы на всѣ 100.

Камен.: Вышло просто недоразумѣніе и мы не теряем надежды...

Бухар. (живо): Покончить с собой?

Камен.: Испросить на то разрѣшеніе.

Зинов.: Иначе немислимо! (показывая на двери) — вездѣ «архаровцы» надзирают.

Камен.: Коль замѣтят поползновеніе, — садись на голодный паек или ѣшь отбросы. У каждого ада есть своя преисподняя.

Зинов.: С них самих строго взыскивают.

Камен.: Помните слова Трощаго: «самоубійство в подвалах Лубянки является недостижимой роскошью».

Бухар. (пройдясь по діагонали кабинета): Что ж это получается в концѣ концов?.. процесс между властью и подсудимыми происходит на самом дѣлѣ не на судѣ, а за его кулисами; в партійных комитетах, а не в органах судебного слѣдствія; в наркоматѣ внутренних дѣл, а не юстиціи!

Камен.: Развѣ для вас это новость?

Зинов.: Что вы с луны упали, товарищ?

Бухар. (внезапно останавливается, что-то вспомнив): Я вам не товарищ, послѣ того, как вы меня предали! И я до сих пор не понимаю, на кой чорт вы так сподличали!

Зинов.: Да развѣ мы виноваты, что нас опоили в ГПУ такой гадостью, от которой воля человѣческая расслабляется и начинается припадок откровенности.

Бухар. (скептически): Какой такой «гадостью»? Еще чего выдумаете!

Камен. (с «юмором висѣльника»): А такой, которой Ягода больше всего в жизни гордится.

Бухар.: Уж не он ли выдумал «загробную казнь»?

Зинов.: Ну, а кому же другому могла такая штука придти в голову?

Камен. (лихорадочно): Правда, что и он попался на удочку Сталина?

Бухар.: Ежова, вы хотите сказать?

Зинов.: Ну — Ежова! Здѣсь такой слух прошел.

Бухар.: Это правда! Ягода под арестом и судится заодно с нами.

Камен. (чуть не подпрыгнув от влорадства): Вот когда он сам испытает, что такое «загробная казнь»!

Зинов.: Уж я ему всѣ припомню, проклятому шарлатану!

Камен. (продолжая торжествовать): Исчадьям ада — мѣсто в аду! Он сам его себѣ приготовил. Я начинаю вѣрить в роковой ход событий. (Справа, в сопровожденіи Вышинскаго и секретаря, возвращается Ежов; всѣ трое, видимо, глотнули «живительной влаги»).

Ежов (Бухарину, посмѣиваясь): Ну, что? как поживают «разстрѣлянные»? Убѣдились в их добром здоровьи?

Прок. Вышин. (Бухарину): Вразумила вас бесѣда с ними?

Ежов: От вас, как теперь видите, зависит выбор смерти. Поду-

майте об этом и дайте нам завтра отвѣтъ... (Секретарю, усаживаясь за стол): Отпустите обвиняемого и отошлите смертников!.. (Секретарь уводит Бухарина направо, а Зиновьева и Каменева — в среднюю дверь).

Прок. Вышин. (садясь на свое мѣсто, заглядывает в папку): Сегодня предстоит закончить допрос Ягоды и его помощника Буланова.

Ежов (игриво, шелкая пальцами): И еще одну особу.

Прок. Вышин. (снова заглянув в папку): Совершенно вѣрно! — Двѣ очных ставки сразу.

Ежов (завидѣв возвращающагося секретаря): Приведите-ка сюда Ягоду и Буланова.

Секретарь: Слушаюсь! (уходит направо).

Ежов (Вышинскому): Вы должны, в своей обвинительной гѣчи, подчеркнуть, как можно рѣзче, что всѣ эти троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы — просто **капитулянты**, которые, под маской революционных фраз, добивались восстановления у нас капитализма. И когда же? Тогда, когда наша страна стала наслаждаться уже счастьем коммунистического строя, — того строя, который превратил бѣдную, отсталую Россію в богатѣйшую и могущественнѣйшую пролетарскую державу.

Прок. Вышин. (записывая, словно «под диктовку», слова Ежова): Святая истина! и вы гениально ее выразили, Николай Иванович... (Секретарь к этому моменту вводит Ягоду и Буланова. — Оба обвиняемых имѣют нѣсколько «пришибленный» вид, хотя и стараются держаться «молодцами»).

Ежов (Ягодѣ и Буланову): Садитесь! (Указывает им мѣста перед собою и обращается к Вышинскому, кончающему запись): Вы хотѣли продолжить допрос обвиняемых...

Прок. Вышин: Сю минуту! (Приводит в порядок лежащія перед ним бумаги).

Секретарь (Ежову): Разрѣшите вопрос Ягодѣ?

Ежов: Сдѣлайте одолженіе!

Секрет. (Ягодѣ, разбираясь в своих бумагах): Когда вы **крестились**?

Ягода (соображая): «Крестился»?

Секрет.: Да; — в год поступления на царскую службу?

Ягода: В началѣ войны.

Секрет.: А не раньше? (Записывает).

Ягода: Нѣтъ. До войны не было резону спастись в «охранкѣ». А когда стали призывать на передовыя позиціи... ну, тогда другое дѣло! (Усмѣхается).

Секрет. (Записывает, улыбаясь): Понимаю!

Прок. Вышин. (Ягодѣ): Возвращаясь к покушенію на товарища Ежова, — нашего наркома внутренних дѣл (слегка кланяется в сторону Ежова), я хотѣл бы выяснить подробности отравленія этого кабинета. (Показывает на окружающія стѣны). Что вы можете прибавить к своим показаніям?

Ягода: Я это дѣлал не из личной мести, а чтоб спасти себя, с заговорщиками, которых Ежов уже начал громить. Отравленіе же

этой комнаты (оглядывает ея стѣны) производил фактически не я, а Буланов. (Показывает на недалеко усѣвшагося от него Буланова).

Прок. Вышин. (Буланову): Что вы можете сказать по этому поводу?

Буланов: Я ни черта не смыслю ни в химіи, ни в медицинѣ. И все же, по приказанію Ягоды, смѣшал ртуть с кислотой и велѣл опрыскать этой смѣсью ковры, портьеры и сукно вот на этом столѣ. (Показывает на стол). Брала мы пульверизатор из «уборной» Ягоды... И старательно, должен сказать, опрыскивали, — так, чтобы от вдыханія яда Николай Иваныч безпремѣнно скончался бы в этой комнатѣ (кланяется в сторону Ежова); да видно я чего-то не сообразил, по химической части, — вот наше старанье и пропало даром!

Ежов (смѣясь): Ай-ай-ай! Как же это так подвели вашего Генриха Григорьевича? — Он, поди, был здорово опечален такой неудачей? а?.. (Вышинскій и секретарь тоже начинают смѣяться).

Буланов (Ежову, потупив взор): Коли не подвел бы, так не вы сидѣли бы на предѣлательском мѣстѣ, а Генрих Григорьевич.

Ежов: А я на его мѣстѣ, хотите вы сказать?

Буланов: Ежели б выжили. (Общій хохот).

Ежов (Ягодѣ): Нѣтъ, серьезно, Ягода, почему вы меня не прикончили из-за угла? — Это было бы куда проще!

Ягода (усмѣхаясь): Покорно благодарю! — Чтоб нарваться на свидѣтелей и потом оправдываться перед Сталиным?

Буланов (поддакивая): А так — «шито-крыто»..

Ежов (договаривая): ... пока все не обнаружилось. (Общій смѣх).

Ягода: Ну, да вѣдь, кто мог ждать предательства из-за спины?.. Ваше счастье, что такая **стерва** нашлась среди моих близких!

Ежов (перебивая): Чшшш!.. Что толку браниться теперь попустому?.. (К Вышинскому): Имѣются еще вопросы к Буланову?

Прок. Вышин.: Да! Я хотѣл бы выяснитъ, посылал ли подсудимый деньги Троцкому или нѣтъ?

Ягода (бурно реагируя на слова Вышинскаго): Никаких денег я Троцкому не посылал.

Прок. Вышин.: Так ли?

Буланов (Ягодѣ): Изволили запомнить, Генрих Григорьевич! (Вышинскому): Еще в позапрошлом году Ягода предупредил меня, что придет один человек, которому я должен выдать 20 тысяч **долларов**. А когда я доложил потом, что приказанье исполнено, — Ягода мнѣ велѣл и впредь выдавать этому человеку субсидіи для Троцкаго, потому что тот сильно нуждался.

Прок. Вышин.: А как звали этого посредника между Ягодой и Троцким?

Булан. (трет себѣ лоб): Гм... Миров-Абрамов.

Ягода: Я категорически отрицаю, что посылал деньги Троцкому и понятія не имѣю о Мировѣ-Абрамовѣ.

Прок. Вышин.: Прекрасно! Мы это сейчас же провѣрим самым доскональным образом. (Пишет записку и передает ее Ежову, а тот, улыбнувшись, — секретарю, который уходит с нею налѣво).

Ягода (в нѣкотором смущеніи): Не может быть, чтоб я запа-

мятовал!.. Впрочем, на моем посту мнѣ приходилось встрѣчаться с такой массой народа, что... все, конечно, возможно!.. (Секретарь вводит слѣва, из «залы ожиданія», Зинаиду Попову. Она уже не в траурѣ, — наряженная по послѣдней парижской модѣ 1936-1937 гг. — Ежов здоровается с ней за-руку и ласково усаживает между собой и Вышинским, — лицом к Ягодѣ).

Прок. Вышин. (ей, слегка кланясь): Мы вас вновь побезпокоили, чтобы выяснить очень важный вопрос: посылал ли Ягода, находясь на посту комиссара внутренних дѣл, т. е. будучи призван охранять нас от таких врагов, как Троцкий, — посылал ли он этому самому Троцкому денежки за границу?..

Зинаида (соображая): Не могу сказать опредѣленно, но... вообще Ягода часто поручал мнѣ передачу денег нѣкоторым лицам...

Прок. Вышин.: Напримѣр?.. Кому?..

Зинаида: Доктору Левину, Плетневу, Казакову...

Прок. Вышин.: Ну, а в долларах случалось?

Зинаида: Случалось и в долларах.

Прок. Вышин.: Кому, напримѣр?

Зинаида (припоминая): Ну, напримѣр... Мирову-Абрамову.

Прок. Вышин. (поспѣшно записывает, с улыбкой удовлетворенія): Мирову-Абрамову. (Послѣ паузы, Ежову): У меня нѣтъ больше вопросов к свидѣтельницамъ. (Ей): Премного благодарен.

Ежов (привставая и протягивая Зинаидѣ руку): Вы свободны, товарищ Попова! (Секретарю): Отпустите и Буланова!.. (Секретарь проводит Буланова до дверей направо и возвращается на свое мѣсто).

Зинаида (пожимая руку Ежова): Сестра просила поблагодарить вас за содѣйствіе ея отъѣзду. Она крайне тронута вашей любезностью.

Ежов: Когда она уѣзжает?

Зин.: Она уже уѣхала вчера с курьерским.

Ежов: Вы тоже, я слышал, собираетесь к ней в Париж?

Зин.: Да, но это уже по окончаніи процесса.

Ежов: Само собой разумѣется!

Ягода (привстав, — Ежову): Разрѣшите мнѣ задать вопрос гражданкѣ Поповой.

Ежов: Пожалуйста!

Ягода (слегка нервничая): Вы уѣдете с моим ребенком? да?... Я хотѣл бы его повидать перед этим.

Зин. (с подчеркнутой безжалостностью): Ваш ребенок умер... умер... Вы этого не знали?—так знайте, что его нѣтъ больше в живых! И слава Богу, что с его смертью порвалась послѣдняя связь между нами!.. Лелѣять ваше потомство, — потомство величайшаго преступника в мірѣ, лгать кругом, унижаться до общенія с вами и притворяться, что люблю вас, становилось мнѣ уже не под силу! (Вдруг вспомнив что-то, вынимает из сумочки драгоцѣнный браслет, подаренный ей Ягодой, и кладет его на стол). Само воспоминаніе об «Октябринах» нашего младенца мнѣ стало в тягость и я вам возвращаю этот «сувенир»!.. (Ягода потянулся было к браслету, но Ежов его предупредил).

Ежов (разглядывая браслет): Ого!.. откуда этот браслет... из

«Исторического музея»?!.. (Смотря в глаза Ягодѣ): Еще одно доказательство расхищенія вами государственныхъ имуществ!.. Ну и низко же вы пали, мой милый!.. (Зинаидѣ, прощаясь с нею): Благодарю за лишній штрихъ к характеристикѣ моего... предшественника!

Зинаида (подавая ему руку): Досвиданья!

Ежов: Всего хорошаго! (Она киваетъ головой Вышинскому и уходитъ налѣво).

Вышин. (Ягодѣ): Я одного не понимаю: как вы могли так долго «служить двумъ господамъ»: — партіи, возглавляемой Сталинымъ, и его врагамъ, возглавляемымъ Троцкимъ?

Ягода: Что ж тут непонятнаго?!.. Жизнь это игра, гдѣ надо ставить иногда на двухъ лошадей сразу! — Какая выиграетъ, от той и поживиться... Я и ставил на Сталина и на Троцкаго сразу.

Прок. Вышин.: Да, но ваши политическія симпатіи?..

Ягода: Какіе к чорту «симпатіи»?!.. (Встаетъ и разминаетъ члены, слегка потягиваясь). — Ни программа троцкистовъ, ни самъ Троцкій не вызывали во мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Но, какъ глава ГПУ, я лично зналъ о той ненависти, которая растетъ у народа въ отношеніи Сталина. Вотъ я и ждалъ, какая «лошадь» выиграетъ въ состязаніи, заранѣе готовясь примкнуть к той сторонѣ, на чьей будетъ побѣда.

Прок. Вышин.: Цинично! но... по крайней мѣрѣ откровенно!

Ягода: А чего мнѣ стѣсняться, когда пѣсенка моя уже спѣта и маска болѣе не нужна!

Прок. Вышин.: «Маска»? Какая «маска»?

Ягода (вздыхаетъ): Я всю жизнь ходилъ въ **маскѣ**, выдавая себя за большевика, которымъ никогда не былъ!

Прок. Вышин.: Зачѣмъ же вы притворялись?

Ягода: Затѣмъ, что носомъ чуялъ: — придетъ время большевиковъ и начнется дѣлжка наслѣдства буржуевъ! (Потираетъ руки) — будетъ, чѣмъ поживиться!.. Да и не я одинъ **актерствовалъ** въ этомъ родѣ, а почти всѣ, начиная со Сталина... Вглядитесь только, **что** сейчасъ происходитъ на **подмосткахъ** Россіи! — всѣ власть-имущіе дѣйствуютъ **под псевдонимами**, словно въ **театрѣ**, ходятъ въ **маскахъ**, потайными ходами, **притворяются** вѣрнопопданными ея величества Партіи и пресмыкаются передъ ея вождями, которыхъ нарываютъ стащить за ногу и сбросить въ подвалы Лубянки. Всюду одна лишь **комедія**: — комедія служенія народу. Комедія обожанія вождей! Комедія суда и принесенія повинной! Комедія, наконецъ, смертной казни! Какая-то безпардонная **игра въ театр** или кровавая **мелодрама**, какія сочинялись въ прежнія времена, на потѣху черни! — Вотъ, что такое наше теперешнее житье-бытье. Одни играютъ роли «благородныхъ отцовъ народа», другіе доносчиковъ-предателей, третьи «роковыхъ женщинъ», четвертые «палачей!» (показывая на себя). И все это несуразное **представленіе** дается съ серьезнымъ видомъ, словно ни въсть какое остроумное «ревю»!

Прок. Вышин. (с кривой улыбкой): И за чей счетъ?

Ежов: За счетъ несчастнаго народа, который тратитъ на такое «зрѣлище» послѣдніе гроши.

Ягода (усмѣхаясь): Ну, что ж! — Не даромъ же ломаться предъ народомъ, который терпитъ подобныя зрѣлища!

З а н а в ѣ с .